

Иностранка 30 коп.

КАКЪ
ЖИВУТЬ САРТЫ.

Э. Е. Фулльбенъ.

МОСКВА.

Издание книгоиздательства А. С. Панофкиной. Литейный пер., саб. 4
1908.

ФБР

ГДЪ НА РУСИ КАКОЙ НАРОДЪ ЖИВЕТЬ И ЧЪМЪ
ПРОМЫШЛЯЕТЬ.

С 47
312

КАКЪ ЖИВУТЬ

≡ САРТЫ. ≡

Э. С. ВУЛЬФСОНЪ.

МОСКВА.
Издание книгоиздательницы А. С. Панафидиной.
Лялинъ пер., соб. домъ.
1908.

Какъ живутъ сарты.

ГЛАВА I.

„Куда какъ упоренъ въ трудѣ
человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ? Лишь
было-бѣ терпѣніе“.

И. Аксаковъ.

Общій видъ Туркестана.—Поля и ихъ орошеніе.

УДНЯЯ картина! Изумленный путникъ смотрѣть и не вѣрить своимъ глазамъ: судьба занесла его въ Туркестанъ, онъ ѿдѣть по безводной, песчаной степи, которую, казалось, самъ Господь осудилъ на вѣчное бесплодіе—и вдругъ вдали замелькали какія-то пространныя зеленыя пятна. Вотъ подвигается

11689-Ч0

Товарищество типо-литографіи Владимира Чичерина въ Москве
Марьинскій участокъ; соб. домъ.

1907.

онъ ближе и ближе, пятна растуть и ширятся, и неожиданно передъ его изумленнымъ взоромъ вырастаетъ огромный цвѣтущій участокъ, мелькаютъ поля, сады, вырисовывается вдали незнакомый городъ.

Прежде всего потянулись отдельные просторные участки съ незагороженными полями, засѣянными хлѣбомъ, хлопчатникомъ и мареной*). Но вотъ путникъ подвигается дальше, и эти отдельные участки уже начинаютъ мельчать, но зато тщательнѣе обработаны; все чаще попадаются теперь поля, огороженные невысокими глинобитными заборами, изъ-за которыхъ высятся тутъ **), тополь, таль и другія тѣнистыя деревья, мѣстами же темнѣютъ и раскидистыя вершины исполинскихъ ореховъ. Поля промелькнули, и на смѣну имъ потянулись огороды, засѣянные дынями, арбузами, лукомъ, морковью и прочей благодатью; тамъ дальше пошли посѣвы табака, а вонъ показался и виноградникъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже и рѣже попадаются теперь незагороженные поля, и каждый отдельный участокъ обсаженъ по обводу высокими, раскидистыми деревьями, въ одинъ или два ряда. И чѣмъ ближе подвигается путникъ къ городу,

*.) Красильный корень.

**) Шелковичное дерево.

тѣмъ рѣже встречаются уже хлѣбные поля, но зато все чаще мелькаютъ пространыя огороды и виноградники.

Давно уже молчаливая картина цвѣтущей природы ожила, и по дорогѣ стали попадаться конные и пѣшие люди; тамъ и сямъ тянутся туда нагруженныя арбы*); порою загорѣлый сартъ, развалившись въ пустой арбѣ, лѣниво понукаетъ разморившуюся на лѣтнемъ зноѣ лошаденку, время отъ времени затягивая свою заунывную, тягучую пѣсню; но нестерпимая жара донимаетъ и его, и, оборвавъ на полусловѣ, онъ снова принимается подгонять задремавшую на ходу кляченку.

Вонъ замелькали по сторонамъ теперь уже сплошные сады, засаженные виноградомъ, грушами, яблоками, сливами, черешнями, гранатами, орехами, и сады эти, какъ и раньше поля, окаймлены въ одинъ или два ряда тутомъ, тополями и карагачевыми деревьями**). Путникъ глядить и не налюбуется: непривычны его глазамъ такие богатые дары природы, такая цвѣтущая, роскошная картина! Но вотъ, наконецъ, за садами показался и самый городъ.

И тутъ все ново для человѣка, впервые попавшаго въ Туркестанъ изъ какой-нибудь великорус-

*) Двухколесная телѣга, употребляемая восточными народами.

**) Ильмъ полевой.

ской глубине. Улицы такъ тѣсны и узки, что по-рою встрѣтятся, запримѣръ, двѣ арбы, а разъѣхаться такъ трудно, что приходится задѣвать концами осей за заборы и стѣны домовъ. А можно встрѣтить и такую картину: съѣхались двое на тѣсномъ мѣстѣ, да такъ разъѣхаться и не могутъ; помаються-помаются, поспорятъ, погорячатъ, а тамъ, смотришь, кто поразумнѣе, и начнетъ осаживать лошадь на-задъ, вплоть до первого переулка, куда и свора-чиваешь; тѣмъ временемъ другой и проѣдетъ сво-имъ путемъ.

По обѣимъ сторонамъ такихъ узкихъ улицъ тя-нутся сѣрыя глинобитныя стѣны сартовскихъ до-мовъ; по большей части, дома здѣсь одноэтажные, безъ оконъ на улицу, съ плоскими земляными кры-шами. Унылый видъ этихъ глухихъ стѣнъ непри-выченъ для русскаго глаза. А вотъ кучка чума-зыыхъ ребятишекъ безопасно разсѣлась посреди улицы; дѣти преспокойно забавляются, копошась въ пыли, но, откуда ни возьмись, проѣдетъ арба и вслугнетъ ихъ какъ стаю воробьевъ; хорошо еще, что сарты не привыкъ ъздитьшибко, а то бы не миновать бѣды его безпечнымъ ребятишкамъ.

Вонъ изъ переулка показалась сартянка, въ своемъ сѣромъ длинномъ накинутомъ на голову ха-латѣ съ узкими предлинными рукавами, которые почти волочатся по землѣ; лицо ея плотно закрыто

черною волосяною сѣткой, и лишь стройный, гибкій станъ выдаетъ ея молодость и здоровье. За ней спѣшитъ другая, а тамъ еще двѣ съ крошечными ребятами на рукахъ. Всѣ онѣ спѣшатъ на базаръ, и у каждой на головѣ узелъ съ шелковичными ко-конами. Молча подвигаются онѣ своею плавною то-ропливой поступью, и съ непривычки кажется, гля-дя на эти таинственно закрытыя лица, что не люди это идутъ, а какія-то заведенные куклы.

Нашъ путникъ подвигается дальше. Вотъ по-казался справа домъ, не совсѣмъ похожій на остал-ные сартовскіе дома: плоская земляная крыша раскрыта съ восточной стороны; изнутри виднѣются рѣзные столбы, пестро раскрашенный потолокъ, бѣлые оштукатуренные стѣны; входная калитка снизу, на аршинъ отъ земли, загорожена рѣшеткой. Занинтересованный путникъ обращается къ возницѣ и узнаетъ, что зданіе это—мечеть *), рѣшетка же сдѣлана для того, чтобы въ священное мѣсто не могли проникнуть животныя. Приходящіе на мо-литву сарты должны перелѣзать черезъ эту рѣ-шетку.

Однако, улицы становятся люднѣе; все чаще, несмотря на страшный полуденный зной, попа-даются сарты—пѣши, верхомъ и въ арбахъ; одѣтые

*) Магометанскій храмъ.

въ свои ситцевые, тиковые, а порою и шелковые халаты, съ бѣлыми чалмами *) на головѣ, они представляютъ пестрое, красивое зрѣлище для не-знакомаго съ краемъ путешественника.

Все оживленнѣе и люднѣе становится на улицахъ; откуда-то со стороны доносится протяжный крикъ верблюда, ржаніе коней, неясный гулъ многихъ сотень людскихъ голосовъ, рѣзкій стукъ кузнечныхъ молотовъ... Все ближе и ближе гулъ, все явственнѣе становятся голоса, и передъ удивленными глазами путника развертывается вдругъ новая картина--туземный базарь.

Тутъ уже простора больше, и улицы гораздо шире, чѣмъ въ остальной части города. По сторонамъ, подъ маленькими камышевыми наѣсами, тянутся всевозможныя лавки и лавченки. Чего только тутъ нѣть! Здѣсь торгуютъ и работаютъ портные, мѣдники, серебренники, сѣдельники, шоряки и кузнецы. Вотъ лавка съ разнымъ мелочнымъ товаромъ бокъ-о-бокъ съ мясной; тутъ же рядомъ торгуютъ дынями, морковью, лукомъ, перцемъ, масломъ, рисомъ, табакомъ и пр. товаромъ. Чуть поодаль выдѣлываются шубы, по сосѣству съ ма-

*) Головной уборъ сартовъ; онъ состоять изъ куска ткани, обыкновенно бѣлаго цвѣта, который навивается на голову и ложится красивыми, пышными складками.

ленькою невзрачной лавченкой, гдѣ продаются пельмени и пирожки; за нею книжная лавка, а тамъ щѣлая вереница палатокъ, гдѣ торгуютъ войлоками,

волосяными арканами, шерстяными мѣшками и прочими издѣліями сартовскаго искусства. А вонъ и красный товаръ: ярkie ситцы, кумачи, платки и тики такъ и пестрятъ и слѣпятъ глаза; сарты—мужчины и женщины—страстные охотники до матерій самыхъ яркихъ цвѣтовъ, съ крупными узорами.

Вотъ вокругъ стараго сарта собралась толпа зѣвакъ; на цѣпочкѣ у него ученая обезьяна, которую онъ заставляетъ продѣлывать самыя потѣшныя штуки. Она лихо пляшетъ, показываетъ, какъ ходить солдатъ съ ружьемъ, какъ охотникъ подкрашивается къ добычѣ, а неприхотливые зрители помираютъ со смѣху. Неподалеку, въ чайной лавкѣ, нѣсколько разодѣтыхъ сартовъ благодушествуютъ за чаемъ и курятъ кальянъ*) съ длиннымъ тростниковымъ чубукомъ. Вблизи разносчикъ съ халвой и разными сладостями, раскисшими на знойномъ солнцѣ, выкрикиваетъ свой товаръ, всячески расхваливая его.

Вотъ опять пошелъ рядъ лавокъ съ пуговицами, тесемками, румянами и бѣлилами, грошевыми зеркальцами и всевозможною мелочью, а тамъ по стѣнамъ разѣшаны куски атласа, канавса и другихъ шелковыхъ матерій. То и дѣло снуютъ мимо этихъ приманокъ закутанныя сартянки, и завистливые

*) Приборъ для куренія табаку, употребляемый восточными народами; въ немъ дымъ проходитъ черезъ воду.

глаза ихъ такъ и горятъ подъ густою черною сѣткой... До страсти любить туземная женщина паряды и всякую минуру!

Путникъ напѣ миновалъ, наконецъ, базарь. Снова пошли узкія, почти безлюдныя улицы. А солнце такъ и палитъ. Но вотъ вдругъ откуда-то потянулась душистая струйка: городъ кончился. Спать замелькали сады, огороды и поля, а тамъ вдали, на десятки верстъ, снова протянулась безводная песчаная степь. Кругомъ ни души живой, ни одного человѣческаго жилья... Лишь степныя птицы шумною вереницей тянутся по ярко-синему небосклону, громкимъ крикомъ оглашая неподвижный, раскаленный отъ зноя воздухъ.

Мы распростимся съ нашимъ путникомъ и, пожелавъ ему счастливаго пути, посмотримъ: какимъ же чудомъ ухитряется обиженный Богомъ сартъ разводить на своей безплодной землѣ цвѣтуше участки и жить, не только не унывая, а подчасъ и припѣвающи.

Представьте себѣ безконечную пустыню, где насто съ лишнимъ верстъ едва-едва встрѣтишь одну рѣку или озеро. Какъ тутъ быть, какъ воздѣлывать такую землю? Посмотришь на эту скучную, мертвую почву—махнешь рукой и невольно подумаешь:

нѣть, не видать ей сохи, не жить на ней человѣку! Но сарты не убоялись труда и ухитрились помочь обидѣвшей ихъ природѣ: они прорыли искусственные каналы различной величины и провели въ нихъ воду прямо изъ рѣкъ и озеръ. Не-подъ силу, конечно, такая работа каждому отдельному человѣку, а взялись за нее всѣмъ обществомъ — міромъ.

Эти оросительные каналы, по-мѣстному *арыки*, точно сѣткой покрываютъ землю сарта. Сначала, прямо изъ рѣки или озера проводится главный каналъ, отъ него по бокамъ идутъ меньшіе каналы, отъ этихъ еще меньше и такъ далѣе. Подобно дереву, вѣтви которого, чѣмъ дальше отъ главнаго ствола, становятся все тоньше и тоньше, и каналы эти дробятся и развѣтвляются на безчисленное множество мелкихъ канавъ. Въ то же время, при помощи особыхъ отводныхъ протоковъ, всѣ эти канавы собираются въ одинъ или нѣсколько большихъ рукавовъ, откуда вода снова возвращается въ главный каналъ. Для спуска воды служатъ плотины, которые устраиваются при самой вершинѣ каналовъ и канавъ.

Нелегко приходится земледѣльцу-сарту при такомъ способѣ обработки земли! Каждый годъ всѣ каналы до самыхъ мельчайшихъ канавокъ должны расчищаться, и начинаяется эта неустанная, кро-

потливая работа еще раннею весной: сначала, въ концѣ февраля, расчищаются мелкія и боковые канавы, а потомъ уже, въ мартѣ мѣсяцѣ, и главный каналъ. Такая очередь установлена для того, чтобы каждый земледѣлецъ, лишь только наполнится главный каналъ, могъ бы тутъ же и пустить воду на свои пашни. Какъ только заканчивается чистка каналовъ, тотчасъ же разрываются плотины, но не разомъ, а постепенно, смотря по напору воды и по тому, сколько требуется напустить ея въ боковые канавы. Въ главномъ каналѣ вода держится круглый годъ, но позднею осенью уровень ея настолько понижается, что боковымъ канавамъ съ этого времени уже нечѣмъ питаться, и онѣ высыхаютъ до слѣдующей весны. На зиму запружаются только тѣ каналы, которые подвержены внезапнымъ приливамъ воды.

Бываютъ порою случаи, когда плотинами поднять воду нельзя; тогда на помощь приходитъ особый *водоподъемный снарядъ*. Онъ состоитъ изъ колеса съ прикрепленными къ нему небольшими сосудами, которые и зачерпываютъ воду. Двигается этотъ снарядъ при помощи двухъ зубчатыхъ колесъ; изъ нихъ одно приводится въ движение животнымъ. Иногда вместо колеса употребляется простои черпакъ, какъ на нашихъ баржахъ.

Тамъ, гдѣ поблизости имѣется рѣка, порою

обходятся и безъ канавъ. Но случается это рѣдко и то только тогда, когда послѣ весеннаго разлива рѣка сама отходить въ свои берега, а послѣ себя оставляетъ плодородный иль.

Мы уже знаемъ, что сарты воздѣлываютъ свою землю не въ одиночку, а всѣмъ обществомъ: устроить цѣлую сѣть каналовъ и затѣмъ каждую весну чистить и исправлять ихъ—дѣло, вѣдь, не легкое и не-подъ-силу отдельнымъ землепашцамъ, да и стоило бы очень дорого. И вотъ лишь только общество начинаетъ дѣлить землю, каждый желающій получить участокъ обязанъ представить сначала пару воловъ, запряженныхъ въ соху, необходимыя ручныя орудія и при всемъ этомъ одного рабочаго. По-туземному весь этотъ нарядъ для работы называется *кошемъ*. Сколько кто представить кошечей, столько же получить онъ и участковъ; конечно, богатый снарядить и нѣсколько такихъ кошечекъ, а у иного горюна и одного не наберется. Такіе бѣдняки соединяются по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ и въ складчину содержать одинъ только кошъ. За каналами наблюдаютъ особые надсмотрщики.

Когда наступаетъ время подевыхъ работъ, надсмотрщики эти рѣшаютъ, какая часть земли отдохнула подъ паромъ и годится для обработки. Передъ началомъ работъ они расхаживаютъ по всѣмъ улицамъ, оповѣщающая жителей, что желающіе получить

землю должны въ такой-то день явиться вмѣстѣ съ своими кошами на назначенное мѣсто.

И вотъ, лишь только наступаетъ условленный день, каждый земледѣлецъ отправляеть свой кошъ на отведенное ему мѣсто и принимается за расчистку и исправленіе канавъ. Когда дѣло это окончено и поля уже совсѣмъ приготовлены для обработки, тогда вся земля дѣлится на участки по числу кошечекъ: сколько выходило на работу кошечекъ, столько же, стало-быть, будетъ и участковъ.

Когда все поле уже подѣлено на участки, тогда начинаютъ ихъ дѣлить между земледѣльцами. Дѣлежка эта производится по жребію: приглашаютъ какого-нибудь совсѣмъ непричастнаго къ дѣлу человѣка, и каждый владѣлецъ коша бросаетъ къ нему въ полу свой значокъ. Затѣмъ, значки перемѣшиваются и раскладываются прямо по участкамъ: на какой участокъ чей значокъ легъ, тому онъ и достается. По обычаю, владѣльцу нѣсколькихъ кошечекъ общество отводить, обыкновенно, смежные участки. Нечего говорить, что въ смыслѣ цѣнности всѣ участки совершенно равны: общество зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы при раздѣлѣ одному не досталось лучшей земли, чѣмъ другому.

Но вотъ, наконецъ, участки, съ помощью Божіей, подѣлены уже, и каждый приступаетъ къ работѣ; посмотримъ теперь, въ какомъ порядкѣ

сартъ обрабатываетъ свою землю. Прежде всего онъ вспахиваетъ ее, унавоживаетъ, а потомъ уже спускаетъ на нее воду; когда вода простоятся, какъ слѣдуетъ, тогда онъ принимается за бороньбу. Пашутъ сарты не на лошадяхъ, какъ у насъ, а на парѣ быковъ, иногда даже и коровъ; вместо нашего плуга употребляется деревянный брусь съ желѣзнымъ наконечникомъ, который прикрепленъ къ длинному дышлу. Для запряжки, къ концу этого дышла привязывается бревно около сажени длиною, съ веревками по концамъ. Это-то бревно и служить ярмомъ для быковъ, которыхъ привязываютъ къ нему веревками.

Какъ мы уже раньше говорили, за каналами наблюдаютъ особые надсмотрщики. Въ теченіе всего лѣта, два раза въ недѣлю пускаютъ они воду поочередно на каждый участокъ. Для того чтобы никого не обдѣлить, эти надсмотрщики требуютъ, чтобы тотъ, кому вода не очень нужна, задѣлывалъ бы у себя канавки и отнюдь не пускалъ бы въ нихъ воду безъ ихъ разрѣшенія.

Существуетъ у сартовъ любопытный обычай: кто разведеть на своеи участкѣ садъ или обнесеть его оградой, выстроить на немъ домъ или же засѣсть его *джунушкою* *), тотъ получаетъ этотъ участокъ уже *въ полную собственность*. Но все-таки такой новый владѣлецъ обязанъ по-прежнему отпра-

*.) *Джунушкою* наз. родъ клевера.

влять на общественные работы по кошу за каждый участокъ. А когда поле его будетъ отдыхать подъ паромъ, то онъ обязанъ провести къ нему постоянный каналъ и уже самъ, на свой страхъ, поддерживать его.

Осенью, когда кончаются полевые работы, всѣ канавы, орошающія поля, закладываются глиной, и только по главнымъ арыкамъ (каналамъ) продолжаетъ течь вода. Но вотъ проходить недолгая въ томъ краѣ зима, и въ концѣ февраля, смотришь, опять тянетсѧ трудолюбивый сартъ со своимъ кошемъ въ поле, опять чистить и исправлять онъ свои неизмѣнныя арыки, безъ которыхъ немыслимо было бы тамъ ни земледѣліе ни даже самое существованіе его. Такой способъ орошения обеспечиваетъ пахарю урожай, затопляетъ сѣмена саранчи, которая здѣсь, въ Средней Азіи, не опустощаетъ такъ поля, какъ у насъ; наконецъ, благодаря проведеннымъ каналамъ, сухой воздухъ безводной степи становится болѣе влажнымъ, безъ чего трудно было выжить тамъ человѣку.

Такъ вотъ, стало-быть, какъ умудряется много-герпѣливый сартъ разводить въ своей мертвой песчаной пустынѣ цвѣтущія поля, прекрасные сады и огороды. Не чудомъ, а долгимъ кропотливымъ трудомъ добивается онъ этого, помня завѣты своего пророка Мамомета, который говоритъ, что трудъ пахаря есть одно изъ самыхъ благороднѣйшихъ занятій на землѣ.

Вотъ подходитъ трудная пора для сарта: до зарѣза нужны ему деньги—нечѣмъ подати заплатить; идетъ онъ къ сосѣду призанять. И на этотъ случай даетъ ему Коранъ такого рода наставлениe:

„Вѣрующіе! Когда вы другъ у друга дѣлаете долги на срочное время, то для засвидѣтельствованія призовите двухъ свидѣтелей изъ мужчинъ между вами; а если мужчинъ не будетъ, то пусть будутъ свидѣтелями мужчина и двѣ женщины, какихъ вы благоразсудите, для того чтобы, когда одна изъ нихъ ошибется, другая, которая-либо изъ двухъ, напомнила“.

И на всѣ случаи семейной жизни также есть свои правила въ этой главной священной книжѣ магометанъ: какъ должны относиться мужъ и жена другъ къ другу; когда закономъ разрѣшается разводъ; какъ обязанъ отецъ дѣлить наслѣдство между дѣтьми; какъ обращаться съ сиротами—и многое другое. Нѣть, словомъ, такого случая въ жизни, хотя бы самаго мелкаго, на который нельзя было бы найти указанія въ Коранѣ; даже такія мелочи, напримѣръ, какъ поступь и говоръ человѣка, и то затронуты въ этой мудрой книжѣ. Вотъ какъ учить Коранъ: „Походка твоя пусть будетъ скромная. Говори гласомъ тихимъ, такъ какъ самый непріятный изъ голосовъ есть голосъ осла“. Поэтому-то каждый мало-мальски почтенный сартъ ходить

ГЛАВА II.

Вѣрованія сартовъ.—Праздники и посты.—Суевѣрія.

АКЪ мы уже раньше упоминали, сарты исповѣдуютъ магометанскую вѣру. Все ученіе ихъ изложено въ священной книжѣ, называемой *Кораномъ*, которую написалъ пророкъ Магометь, основатель магометанской религіи.

Коранъ заключаетъ въ себѣ не только молитвы и правила духовной жизни человѣка, но и всевозможныя житейскія правила на всѣ случаи обыденной жизни. Задумаетъ ли, напримѣръ, сартъ купить на базарѣ барана, онъ уже по привычкѣ приглашаетъ двухъ свидѣтелей: вѣдь, такъ велитъ Коранъ, да и дѣды и отцы его поступали точно такъ же. Вотъ почему и вся торговля на базарѣ продолжается отъ восхода до заката солнца: Коранъ запрещаетъ ночную торговлю.

плавно, не торопясь, и не только избѣгаетъ пѣнія, пляски, свиста, но старается также и говорить тихо.

Какъ и у всякаго другого народа, вѣра у сар-
товъ оберегается, главнымъ образомъ, духовенствомъ.
У магометанъ духовенство не рукоположенное, а на
духовныя должности назначаетъ или правительство,
или же выбираетъ само населеніе. Точно такой же
порядокъ существовалъ еще и при ханахъ, т.-е. до
завоеванія края русскими; и тогда также церковно-
служителей назначали или сами ханы, или же вы-
бирали ихъ жители.

Каждый грамотный сартъ, умѣюцій читать и
писать, получаетъ, согласно магометанскому закону,
званіе *муллы*, что по-арабски означаетъ „учитель“.
А тѣ лица, которыя, кромѣ того, еще изучили и
главнейшія духовныя книги, носятъ название *улема*,
что означаетъ „ученый“ или „богословъ“. Храмъ,
куда стекаются для моленій сарты, называется *ме-
чѣтъю*. Весь причтъ въ каждой мечети состоитъ всего
на все изъ двухъ духовныхъ лицъ: *имама* (въ родѣ
нашего священника) и *азанчи*.

Имамъ обязанъ каждый день служить въ мечети
всѣ положенные закономъ службы, а обязанность
азанчи состоять въ томъ, что за нѣсколько минутъ
до начала богослуженія онъ громко выкрикиваетъ
призывъ къ молитвѣ, собирающій вѣрующихъ въ

храмъ Божій. Кромѣ того, онъ же наблюдаетъ еще
и за чистотой въ мечети.

Выбирается причтъ ~~населеніемъ~~ ~~каждаго~~ ~~даннаго~~
прихода, при чёмъ за какие-нибудь проступки, поро-
чашіе духовное лицо, тотъ же приходъ, съ общаго со-
гласія, можетъ и смѣстить его. Порою, для такого
смѣщенія не требуется и общаго согласія, а просто
совѣщаніе нѣсколькихъ наиболѣе почитаемыхъ ста-
риковъ.

Плата причту прихожанами производится смотря
по мѣсту: въ селеніяхъ платить хлѣбомъ, при чёмъ
съ каждого дома полагается около 52 фун. пше-
ницы въ годъ; состоятельные хозяева платить не-
много больше. Въ среднемъ приходъ насчитывается
около 25 домовъ, и весь собранный причтомъ хлѣбъ
дѣлится такимъ образомъ: три четверти получаетъ
имамъ, остальное же идетъ на долю азанчи, кото-
рому, кромѣ того, полагаются еще шкуры животныхъ,
принесимыхъ въ жертву молящимися. За свадьбы,
похороны, отчитыванія больныхъ и прочія требы
имамъ получаетъ отдельно.

Въ городахъ принято совсѣмъ другое положе-
ніе: тутъ причтъ получаетъ уже не хлѣбомъ, а день-
гами, смотря по достатку каждого дома. Изъ всѣхъ
собранныхъ суммъ азанчи получаетъ только одну
четвертую или пятую часть, и тутъ, такъ же какъ
въ селеніяхъ, онъ получаетъ еще отъ прихожанъ и

шкуры тѣхъ жертвенныхъ барановъ и козловъ, которыхъ вѣрующіе сарты рѣжутъ въ свой праздникъ Курбанъ, въ воспоминаніе жертвы Авраамовой. Весь остальной доходъ приходится на долю имама.

Коранъ совѣтуетъ накормить мясомъ принесенаго въ жертву животнаго бѣдныхъ; хотя сартъ чаще угощаетъ имъ своихъ знакомыхъ, чѣмъ бѣдныхъ, однако, каждый мало-мальски состоятельный хозяинъ старается въ одинъ изъ трехъ дней праздника Курбана зарѣзать козла или барана и непремѣнно своими же собственными руками: суевѣрный сартъ вѣритъ, что въ будущей жизни этотъ баранъ поможетъ ему пройти черезъ мостъ, ведущій въ царствіе небесное; мостъ этотъ тонкій какъ волосъ и острый какъ мечъ: грѣшникъ, взойдя на него, низвергается въ самый адъ, а праведникъ стрѣлой проносится прямо въ рай. Суевѣріе сартовъ доходитъ тутъ до того, что жена и дѣти хозяина держать животное за ноги все время, пока его рѣжутъ и потрошатъ, считая, что этимъ и имъ хоть сколько-нибудь облегчится доступъ въ царствіе небесное.

Чтеніе Корана считается у сартовъ дѣломъ самымъ душеспасительнымъ, такъ какъ пророкъ Магометъ совѣтуетъ каждому вѣрующему какъ можно чаще читать эту священную книгу; неграмотный же долженъ заставлять ее читать себѣ кого-нибудь изъ грамотныхъ. Вотъ почему образовалось среди сар-

товъ цѣлое сословіе книжниковъ, изучившихъ наизусть весь Коранъ; среди нихъ довольно часто встречаются и слѣпцы. Для книжниковъ этихъ богатые богообязненные сарты строятъ особыя помѣщенія на нѣсколько человѣкъ каждое; при этомъ живущіе въ нихъ обязаны ежедневно прочитывать известную часть Корана за упокой или во спасеніе души устроителя.

Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ своей жизни, когда богообязненный сартъ не знаетъ, какъ ему поступить, онъ непремѣнно идетъ за совѣтомъ къ книжнику и спрашиваетъ: „А что говорить на такой случай Коранъ?“ Нечего говорить, что отвѣтъ всегда найдется: вѣдь, Коранъ откликается на всякую мелочь въ человѣческой жизни.

Вотъ случилась, положимъ, у хозяина такая бѣда: въ чистый котель попала мышь. По закону, мышь считается нечистью, а, стало-быть, котель теперь уже поганый. Какъ тутъ быть расчетливому сарту? Бѣть изъ этого котла по закону грѣхъ, а бросить тоже жалко: за него, вѣдь, деньги заплачены! Да смотришь, и съ новымъ такая же бѣда всегда можетъ случиться—про всѣхъ мышей, вѣдь, не напасешься! Подумаетъ-подумаетъ богообязненный сартъ и идетъ на совѣтъ къ книжнику. А тотъ пошарилъ въ своихъ книгахъ, и благополучный отвѣтъ готовъ. „Если—говорится въ Коранѣ—котель, въ который

попала мышь, собака или другая какая-либо нечисть, сдѣлавшійся вслѣдствіе этого поганымъ, трижды на-
калитъ, трижды вымыть и трижды высушить, то онъ
снова станетъ чистымъ*. Какъ же не довѣрять сарту
своимъ всезнающимъ книжникамъ, если и на такой
сравнительно пустой случай онъ умѣеть отыскать
подходящій и счастливый отвѣтъ въ своихъ му-
дрыхъ книгахъ!

Кромѣ этихъ книжниковъ, есть еще особый видъ
зناхарей, которые занимаются отчитываніемъ боль-
ныхъ; такие знахари уже не пользуются при этомъ
Кораномъ, а сами составляютъ особыя, подходящія
слушаю, книги, понятныя только имъ самимъ и не-
доступныя простому смертному.

У сартовъ, какъ и у прочихъ магометанъ, ме-
чети посѣщаются только одними мужчинами; жен-
щины же совершаютъ свои моленія дома. Законъ
велитъ пять разъ въ день молиться Богу, но, какъ
ни богобоязненна сартянка, ей не всегда удается
это выполнить: самъ же законъ часто мышаетъ ей
въ этомъ. Такъ, напримѣръ, молиться матери въ
томъ же самомъ платьѣ, которое только-что испор-
тилъ маленький ребенокъ, считается страшнымъ грѣ-
хомъ, а гдѣ же работящей женщинѣ взять времени
на частое переодѣванье? Да немало еще и другихъ
обстоятельствъ мышаютъ женщинѣ выполнять всѣ
обряды. Поэтому-то уже издавна такъ завелось, что

мужчины у магометанъ строже придерживаются за-
кона, чѣмъ женщины, среди которыхъ тверды въ
вѣрѣ, по большей части, лишь однѣ старухи.

Но вотъ надумала женщина помолиться Богу.
Туть она прежде всего, по правиламъ своей вѣры,
совѣршаетъ омовеніе: моетъ лицо, руки до локтей
и ноги по щиколотки. А иная, нерадивая, заторо-
пится,—лѣнъ ей разутъся, чтобы вымыть ноги—
возьметъ да вмѣсто того прямо свои ичиги*) и
обрызгаетъ водою. Совершивъ омовеніе, сартянка
приводить въ полный порядокъ свое платье, раз-
стилаеть на полу маленький коврикъ и начинаетъ
вполноголоса читать молитвы, покачиваясь всѣмъ ту-
ловищемъ то взадъ, то впередъ, кладеть земные
поклоны и такъ далѣе. Если семья почтенная и
богобоязненная, то во время такого моленія осталь-
ные присутствующіе въ комнатѣ или совсѣмъ мол-
чатъ, или же разговариваютъ шепотомъ.

Самыми большими праздниками у сартовъ, какъ
и у прочихъ магометанъ, считаются *Курбанъ* и *Ра-
мазанъ*. Праздникъ Рамазана продолжается цѣлый
месяцъ, и во все это время вѣрующіе должны про-
водить всѣ дни въ полномъ воздержаніи; только по
ночамъ—послѣ заката и до восхода солнца—законъ
разрѣшаетъ принимать пищу. Но зато ужъ въ эти
часы разговѣнья сартъ можетъ єсть все, что ему

*) Обувь у сартовъ.

угодно: ни скромной ни постной пищи не существует.

Цѣлый день во все время этого долгаго поста сарты бродятъ вялые, унылые; въ городахъ и селеніяхъ мертвая тишина. Но зато съ закатомъ солнца все кругомъ оживаетъ: подкрѣпившіеся пицей жители гуляютъ и веселятся на славу. Особенно кипитъ жизнь на базарахъ: тутъ въ разныхъ концахъ устраиваются балаганы, поютъ пѣвцы, показываютъ свое искусство фокусники, гремить шумная сартовская музыка. А тамъ, смотришь, устроено что-то въ родѣ театра, гдѣ даются представлѣнія съ куклами: показываются русскіе военные смотры, танцуютъ танцовщицы и прочее. Въ чайныхъ толпится народъ и благодушествуетъ за чаемъ, наслаждаясь пѣніемъ пѣвцовъ и весело гремящей музыкой.

Нечего говорить, что строгое соблюденіе такого длиннаго поста очень вредно отзывается на здоровье; чуть ли уже не съ первой недѣли человѣкъ начинаетъ слабѣть, и не всякий въ силахъ довести пость до конца. Бываетъ и такъ: не выдержитъ искуса семья, смотришь, и начинаютъ всѣ потихонькуѣсть другъ отъ друга днемъ, чтобы не было зазорно. А иной догадливый малый такъ и прямо пускается на хитрости: по закону больные и путники могутъ не поститься,—вотъ возьметъ онъ да и отправится нарочно въ путь куда-нибудь...

Душеспасительныиѣ дѣломъ считается также у сартовъ єздить на богомолье. Особенно большія охотницы до этого женщины. Сартянки до страсти любятъ всякую новизну и смотрять на такую поїзду не только какъ на богоугодное дѣло, но и какъ на пріятное развлеченіе. Мѣстомъ для богомолья служать обыкновенно могилы святыхъ, а иногда и просто такое мѣсто, гдѣ произошло какое-нибудь замѣчательное событие. Если около такого святого мѣста выросло дерево, то и оно считается священнымъ, и, по обычаю, каждый богомолецъ непремѣнно привяжетъ къ его вѣткѣ платокъ, разноцвѣтный лоскутъ или просто тряпку. Такое дерево сартъ уже зорко оберегаетъ, и ни пила ни топоръ не дерзнутъ коснуться его.

Святыхъ мѣсть у сартовъ очень много, и они приписываютъ имъ различныя цѣлебныя и чудесные свойства. Такъ, напримѣръ, одно изъ нихъ исцѣляетъ, по повѣрю, отъ головныхъ болей, другое—отъ коклюша и чахотки, третье посыпаетъ молящемуся богатство и т. д. Въ горахъ Ферганской области есть два такихъ прославленныхъ мѣста, куда лѣтомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, богомольцы тянутся цѣлыми караванами.

Вотъ собралась семья на богомолье. Если есть у хозяина хотя какой-нибудь достатокъ, онъ непремѣнно захватить съ собой барана или козла,

обреченного имъ въ жертву. А если сартъ — человѣкъ богобоязненный, то онъ еще часть пути старается пройти пѣшкомъ и все время гонитъ впе-

реди себя жертвенное животное. Женщины и ъдуть слѣдомъ въ арбахъ.

Наконецъ, вся семья благополучно достигъ святого мѣста. Прежде всего совершаются моленіе, а потомъ уже закалывается приведенное животное; при этомъ часть мяса отдается духовенству, обитающему тутъ же, а остальное съѣдается всеми членами семьи. Если же богомольцы живутъ далеко отъ выбраннаго для поклоненія святого мѣста, то они уже не приводятъ съ собою жертвенного животнаго, а просто готовятъ себѣ тутъ же какую бы то ни было пищу: ёсть только-что изготовленное на святомъ мѣстѣ кушанье считается большимъ душеспасительнымъ дѣломъ у сартовъ.

Всѣ дѣла и поступки людей сартъ дѣлить на злые и добрые; за зло человѣка въ будущей жизни ожидаетъ геенна огненная, за добро — награда. Все, что совершаетъ человѣкъ на землѣ — и хорошее и дурное — вписывается двумя ангелами въ книгу жизни, по которой и производится будущій судъ.

Какъ и всякий невѣжественный народъ, сарты чрезвычайно суевѣрны. Они вѣрять въ существованіе шайтана (дьявола), вѣрять въ добрыхъ и злыхъ духовъ, которые могутъ оказывать хорошее или дурное влияніе на жизнь человѣка. Вѣрять они, что падучую болѣзнь и разную порчу наводить на людей аджина — страшная, огромнаго роста жен-

желтыми косматыми волосами, что-то сред-
间的 домовым и вѣдьмой... Послѣ рожденія
шѣлыхъ шесть недѣль родительницу не
ляютъ одну, изъ суевѣрнаго страха, что при-
тъ эта страшная аджина и задушить ее и ребенка.
Вѣрить сартъ и въ домового, которого представляеть
себѣ въ видѣ безобразной старухи съ растрепан-
ными волосами; вѣрить въ бабу-ягу и въ разныя
зловѣщія примѣты. Стоитъ хотя бы нечаянно кач-
нуть пустую люльку,—значить ребенокъ непремѣнно
умретъ. А сниметъ кто нибудь калоши не вблизи
самой двери, а чуть подальше,—стало-быть, враги
хозяина размножатся и погубятъ его. И въ какую
только чертовщину не вѣрить темный, невѣжествен-
ный сартъ!

Не обходится, конечно, дѣло и безъ вѣры въ
колдовство, знахарство и гаданье. Покажется, на-
примѣръ, иной ревнивой женѣ, что мужъ сталъ
меньше любить ее,—сейчасъ же бѣжитъ къ муллѣ
(грамотею) за талисманомъ; порою послѣдніе гроши
отдастъ за него. А тотъ даетъ ей бумажку, на ко-
торой написана на такой случай молитва или
стихъ изъ Корана. Суевѣрная сартянка бережетъ
эту бумажку пуще глаза: свернетъ ее треугольнич-
комъ, зашьетъ въ шелковый лоскутъ и, прицѣпивъ
къ плечу халата или рубахи, теперь уже крѣпко
надѣется, что снова приворожить мужа... А не по-

могъ талисманъ,— побѣжить опять къ муллѣ за на-
говоромъ на чемъ — либо сѣйствномъ, а то и про-
сто на водѣ, и потихоньку угостить этимъ мужа.
Есть наговоры и отвораживающіе, а такъ какъ у
сартовъ законъ дозволяетъ многоженство, то и безъ
нихъ дѣло не обходится: когда одна жена, напри-
мѣръ, захочетъ отворотить мужа отъ другой.

Наговорами занимаются, по большей части, гра-
мотные мужчины, ворожбой же почти исключительно
женщины. Нерѣдко такія ворожеи занимаются еще
и лѣченіемъ, и можно себѣ представить, сколько
бѣдъ приносить такой темный лѣкарь! Сартъ невѣ-
жественъ и легковѣренъ; занеможется ему, онъ
отправляется къ ворожеѣ. Посовѣтуетъ она ему,
напримѣръ, пить купоросъ, онъ бѣжитъ на базарь
и покупаетъ это спасительное снадобье... А спра-
вится отъ такого лѣченія на тотъ свѣтъ, никому
изъ родныхъ и въ голову не придется, что отра-
вился человѣкъ, а всѣ скажутъ: „Такъ судилъ
Аллахъ *) и такъ, стало-быть, давно ему ангелами
въ книгѣ живота было вписано!“ Да, много зла
и горя приносять тьма и невѣжество, немало лю-
дей гибнетъ благодаря имъ!

Черектъ фригинала

*) Аллахъ — значить Богъ.

ГЛАВА III.

Жилище, одежда и пища.

СЛИ посмотреть на азіатскій городъ сверху, то покажется, что плоскія крыши домовъ сливаются всѣ вмѣстѣ и по всему городу идетъ одна сплошная крыша: до того тѣсно застраиваются тамъ улицы. Дворы оставляются крошечные, площадей почти нѣть, такъ что домъ лѣпится къ дому, и странный видъ представляетъ азіатская улица для взоровъ непривычнаго россіянина.

Но прежде чѣмъ начать говорить о томъ, какъ строить сартъ свое жилище, намъ необходимо вспомнить, что, по законамъ своей вѣры, сартовская женщина не только не можетъ показываться съ

открытымъ лицомъ постороннему мужчинѣ, но и разговаривать даже должна стараться такъ, чтобы онъ не могъ услыхать ея голоса. Нечего говорить, что такая строгость магометанскаго закона должна прежде всего сказаться и на устройствѣ жилища. Въ самомъ дѣлѣ, разъ сартянка должна прятаться отъ всякаго посторонняго мужчины, то, стало-быть, и жилище сарта должно быть устроено такъ, чтобы женщины въ немъ всегда могли оставаться скрытыми отъ всякаго любопытнаго взора. Вотъ почему во всякой мало-мальски состоятельной сартовской семье дворъ раздѣляется на двѣ совершенно отдѣльныя другъ отъ друга половины: на *наружную* — мужскую половину и *внутреннюю* — женскую.

Только самая захудалая семья, у которой не хватаетъ средствъ построиться на двѣ половины или же нѣть для этого нужнаго количества усадебной земли — живеть на одномъ дворѣ. Но даже и тогда, дабы не прегрѣшить противъ законовъ своей вѣры, бѣдный сартъ устанавливаетъ свои постройки такъ, чтобы проходящіе по улицѣ люди не могли видѣть чрезъ растворенную калитку женщинъ, когда тѣ выходятъ изъ своего жилища во дворъ. Для этого внутри двора, какъ разъ передъ калиткой, неподалеку выводится небольшая стѣнка, немного выше человѣческаго роста. Вотъ эта-то стѣнка и не сарты.

позволяет любопытнымъ взорамъ прохожихъ проникать внутрь двора.

Мы уже говорили, что дворы всегда почти бываютъ очень малы, и сарты обносять ихъ со всѣхъ сторонъ стѣной. Окна домовъ, или, по-туземному, *саклей*, никогда не выходятъ на улицу, а всегда къ внутренней сторонѣ той стѣны, которая окружаетъ лворъ; къ ней же примыкаютъ своимъ тыломъ и надворныя постройки. Наружный дворъ, то-есть мужская половина, сообщается съ улицей черезъ калитку или небольшія воротца; часто со двора устраивается еще надъ ними небольшой навѣсь. Насколько эти воротца малы, видно хотя бы изъ того, что сартъ, прїехавъ домой верхомъ, не вѣзжаетъ прямо во дворъ, а по большей части слѣзаетъ еще на улицѣ съ коня; а ужъ обѣ арбѣ и говорить нечего: она совершенно не можетъ вѣзжать во дворъ, почему и стоитъ всегда на улицѣ.

На наружномъ дворѣ, т.-е. мужской половинѣ, сартъ принимаетъ своихъ гостей-мужчинъ. У средней по достатку семьи помѣщеніе это состоить изъ одной комнаты съ навѣсомъ; у богатыхъ же людей—изъ двухъ комнатъ и навѣса между ними. Иногда еще, кромѣ того, имѣются здѣсь комната для мужской прислуги и кухня, на тотъ случай, если почему-либо кушанье гостямъ не можетъ готовиться женщиными на ихъ половинѣ. На наружномъ дворѣ

находятся также и конюшни, которыхъ чаше всего устраиваются въ видѣ открытыхъ навѣсовъ съ яслями вдоль стѣнъ; сплошь крытыя конюшни встречаются очень рѣдко и то только въ самыхъ зажиточныхъ домахъ; посреди крыши дѣлается тогда небольшое отверстіе, ясли же расположены такъ же вдоль стѣнъ, какъ и въ открытыхъ конюшняхъ; отдельныя стойла почти никогда не устраиваются. Лѣтомъ изъ такихъ крытыхъ конюшень лошадей выводятъ на ночь во дворъ, гдѣ они и привязываются къ высокимъ деревяннымъ приколамъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ построекъ, на наружномъ дворѣ во всякомъ добропорядочномъ домѣ имѣется еще нѣсколько деревьевъ и одинъ или два пригорка—подъ деревомъ или вдоль стѣны; пригорки эти сартъ самъ насыпаетъ изъ земли, и въ лѣтаѣ досуги очень любить прохладжаться и благодушествовать на нихъ. Тутъ же, на дворѣ, веселить взоръ грядка-другая цвѣтовъ, до которыхъ сарты большие охотники, течеть арыкъ, а если хозяинъ побогаче и дворъ просторнѣе, то еще имѣется и небольшой прудъ. Наружный дворъ содержится у сартовъ замѣчательно чисто: каждый день его старательно подметаютъ, а лѣтомъ еще поливаютъ по утрамъ и вечерамъ. Въ такой же чистотѣ содержатся и конюшни.

Жилища свои сарты строятъ изъ глины и де-

рева. Изъ глины выводятся самая стѣны строеній, и всегда онъ нѣсколько суживаются кворжу; изъ этого же материала дѣлаются и заборы. Дерево, главнымъ образомъ, тополь и таль (верба), идетъ на оконные рамы, двери, кровли, столбы, подпорки и проч.

Когда сартъ собирается строить себѣ саклю (домъ), онъ наканунѣ начала постройки прежде всего готовить густое тѣсто изъ глины, сбиваетъ его въ отдельные слои отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ аршинъ высотою и изъ нихъ уже выводится самая стѣна: сначала кладется нижній слой, надъ нимъ слѣдующій и т. д. Когда слои эти высыхаютъ, то они всегда растрескиваются вдоль; вотъ почему, во избѣженіе вслѣдствіи большихъ трещинъ, сартъ и не кладетъ верхняго слоя, прежде чѣмъ хорошенько не обсохнетъ и не потрескается нижній. Самая толщина стѣнъ рѣдко бываетъ больше аршина.

Крыши дѣлаются немного покатыя и устраиваютъ ихъ такъ: сначала кладутъ балки, на нихъ обрѣшетникъ, а уже потомъ настилаютъ камышевые плетенки. На плетенки эти слоями раскладываютъ камышъ, саманъ (яровая солома) и сухая сорная трава, а поверхъ всего этого насыпается слой земли толщиною вершка въ полтора, послѣ чего все это смазывается жидкимъ глинянымъ растворомъ. По краямъ крыши вмазываются въ нѣсколькихъ мѣстахъ

небольшіе деревянные желоба, для стока воды во время дождя.

Мѣстами устраиваются еще и двускатныя крыши, но рѣдко; порою же дѣлаются и въ видѣ купола, главнымъ образомъ, надъ банями, мечетями и часовнями. Такія часовни возвышаются надъ могилами мѣстныхъ святыхъ или людей, пользовавшихся при жизни особымъ уваженіемъ своихъ сородичей. Устраиваются куполообразныя крыши обыкновенно изъ обожженаго кирпича и рѣже изъ сырцового.

Входная дверь въ саклю дѣлается, по большей части, въ двѣ створки, высотою немного ниже средняго роста человѣка. Когда сартъ входитъ въ комнату, онъ всегда поэтому долженъ нѣсколько нагнуться, какъ бы кланяясь въ то же время хозяевамъ, и тутъ же произноситъ свое обычное привѣтствіе. Двери въ косякахъ ходятъ не на петляхъ, какъ у насть, а на ножкахъ. Устраивается это такимъ образомъ: въ полотнѣ двери дѣлаются небольшіе выступы, а въ притолокѣ и въ порогѣ соответствующія выемки по нимъ. Косяки вмазываются снаружи стѣны, и дверь пригоняется къ нимъ далеко не плотно, такъ что получаются большія щели; нечего удивляться по этому, если въ зимнее время въ сакль почти такъ же холодно, какъ и на дворѣ.

Да и окна строятся у сартовъ по-лѣтнему: это тонкія деревянныя решетки, которыя на зиму оклеи-

ваются бумагой — стеколь нѣть и въ помѣщѣи. По величинѣ своей окна немногимъ меньше двери; сарть не знаетъ ни столовъ ни стулевъ—онъ работаетъ и єсть, сидя прямо на полу, стало-быть, ему и окна нужно пригнать такъ, чтобы было свѣтло. Вотъ почему низъ окна въ сакль прходится всего на всего на 1 или 2 вершка отъ пола. Къ окнамъ приделаны и ставни, которые устраиваются въ двѣ створки, совершенно такъ же, какъ и входная дверь.

Полъ въ сакль земляной, плотно убитый; въ немъ устраиваются двѣ ямки: одна побольше—у самой двери; здѣсь приходящіе оставляютъ свои ка-лоши; другая же гораздо менѣе размѣромъ, но зато много глубже, дѣлается въ самой серединѣ ком-наты: въ ямкѣ этой зимою разжигаются уголья, и вокругъ нея и юится тогда непривычный къ боль-шимъ холодамъ сарть. Кромѣ этихъ двухъ ямокъ, весь полъ въ сакль устланъ сначала камышевыми плетенками, а поверхъ—кошмами (войлоками); у бого-гатыхъ, сверхъ того, еще и коврами.

Потолки и верхніе деревянные карнизы стѣнъ расписываются въ зажиточныхъ домахъ всевозможными узорами самыхъ якихъ цветовъ, украшаются сусальнымъ золотомъ, а порою и тонкою, замѣча-тельно красивой и искусной рѣзьбой, на что сарты-рабочіе большіе мастера. Изъ всего этого видно,

что сакля богатаго сарта имѣеть внутри очень кра-сивый и уютный видъ.

Отъ наружнаго двора, т.-е. мужской половины, гдѣ-нибудь въ сторонкѣ идетъ ходъ во внутренній дворъ. Ходъ этотъ крытый, съ отдѣльной калиткой, чтобы, согласно строгому магометанскому закону, внутренность женскаго двора не могла быть видна съ наружнаго.

На женской половинѣ находятся жилыя комнаты, при чёмъ у людей богатыхъ кухня устраивается от-дѣльно отъ комнатъ; тутъ же, на внутреннемъ дво-ре, находятся и кое-какія службы: небольшая кла-довая, хлѣвъ и амбаръ для хлѣба. Жилыхъ ком-натъ въ зажиточной семье бываетъ обыкновенно не больше двухъ. Лишь тогда, когда сарть обзаведется нѣсколькими женами (что позволяютъ себѣ только самые богатые люди), и жилыхъ комнатъ у него больше: по закону каждая жена имѣеть право требо-вать себѣ отдѣльную комнату, которая къ тому же еще запиралась бы на ключъ. Дѣти-подростки въ состоя-тельныхъ семьяхъ спятъ такъ же от-дѣльно.

У бѣднаго люда женская половина состоить всего на всего изъ одной комнаты, въ которой за-частую и оконъ-то нѣть, а вмѣсто нихъ продѣлы-вается отверстіе въ крышѣ; дверь въ такой сакль маленькая; въ одну створку, и полъ застилается не сплошь кошмами, а только на половину комнаты.

Тутъ же, обыкновенно, и спить въ повалку вся семья бѣдняка-сарта, безъ всякихъ тюфяковъ и подстилокъ.

Въ среднихъ и богатыхъ домахъ жилыя комнаты по виду мало чѣмъ отличаются отъ мужской половины; только потолки рѣдко когда расписываются или украшаются рѣзьбой. Но ямка для калошъ дѣлается гораздо больше по размѣру, а въ углу комнаты, къ сторонѣ отъ двери, вырывается глубокая яма, покрытая сверху желѣзною или деревянной рѣшеткой: туда сливаются помои, и надъ этой же ямой сарты совершаютъ свои омовенія, предписанныя законами магометанской вѣры.

А теперь войдемъ, читательница, въ саклю и посмотримъ, какъ убираются жилыя комнаты у сартовъ. Я пригласила бы туда и читателя, но, вѣдь, его ни за какія блага въ свѣтѣ не пустята на женскій дворъ!

Прямо противъ входной двери стоитъ окованый жестью сундукъ, чаще всего русской работы, въ которомъ хранится хозяйское добро: бѣлье, одежда, запасная посуда и прочій домашній скарбъ. Днемъ на этомъ же сундуке складываются ватныя одѣяла и такія же подушки. Тутъ же въ углу, отъ одной стѣны къ другой протянута длинная палка: на ней, для украшенія комнаты, развѣшаны шелковые халаты хозяйки, рубахи и камзолы. Вдоль

стѣнъ, также для красоты, разставлены разные подносы—мѣдные и жестяные, разноцвѣтные чайники и чашки, жестяные подсвѣчники, шкатулки съ женскими украшеніями и т. д.

Если мы попадемъ въ жилую саклю зимою, то увидимъ еще, какъ она обогревается. Въ ямку посреди комнаты кладется кучка совсѣмъ прогорѣвшихъ углей, надъ нею ставится невысокая табуретка, которая накрывается сверху однимъ или двумя ватными одѣялами; подъ ними-то и сберегается тепло. Около этой нехитрой топки и проводять хозяева зимою все свободное время, тутъ же и работаютъ. А станеть холодно—сейчасъ же подсунуть ноги подъ одѣяла, благо сидѣть на полу, и грѣются; зато и нагрѣваются, какъ слѣдуетъ, однѣ только ноги. Тутъ же, около своего излюбленнаго мѣста и спать.

Нечего говорить, что такого рода отопленіе можетъ нанести не малый вредъ здоровью. Наложить, напримѣръ, только-что хозяйка горячихъ углей, засунуть подъ одѣяло босыя ноги и нагрѣвать ихъ до того, что еле кожа терпить. Вдругъ понадобилось ей въ коровникъ сѣгать или по хозяйству куда—она вскакиваетъ, надѣваетъ на горячія ноги калоши и бѣжитъ прямо на дворъ... А дѣло зимнее, и хотя не такъ холодно въ томъ краѣ, какъ у насъ, да привычному къ долгому лѣту сарту очень чув-

ствителенъ и небольшой морозъ. И вотъ провозится баба на дворѣ съ полчаса, а когда и цѣлый часъ, вернется въ саклю, сбросить калоши и опять юркнетъ ногами подъ одѣяло. И такъ цѣлый день. Надо еще удивляться, что при такого рода топкѣ сарты не такъ часто простужаются, какъ этого можно бы было ожидать.

Мы уже упоминали, что на внутреннемъ дворѣ, кромѣ жилыхъ помѣщеній, находятся еще и службы, какъ, напримѣръ, хлѣвъ, кладовая и хлѣбный амбаръ. Любопытно строить сартъ хлѣвъ: онъ старается ставить его такъ, чтобы одна изъ стѣнъ выходила на улицу, въ садъ или огородъ. Въ стѣнѣ этой прорѣзывается отверстіе, черезъ которое навозъ прямо и выбрасывается лопатами. Не велика еще бѣда, если онъ попадетъ въ садъ или огородъ; но вотъ, когда у хозяина ни того ни другого не имѣется, а навозъ копится на улицѣ, — тутъ уже дѣло совсѣмъ неподходящее... Можете представить себѣ теперь, до чего грязны сартовскія улицы! Навозъ на нихъ лежитъ чуть не годами, и высокія кучи его прямо лѣпятся къ заборамъ домовъ. И это продѣлывается везде — какъ въ селеніяхъ, такъ равно и въ городахъ.

Въ общемъ, внутренній дворъ очень похожъ на наружный, но такъ какъ онъ не показной, то и содержится гораздо грязнѣе. И тутъ почти всегда

можно встрѣтить нѣсколько деревьевъ, также течетъ арыкъ, порою найдется даже нѣсколько виноградныхъ лозъ. А если есть свободное мѣстечко, то насыпается искусственный пригородокъ: сартянки такъ же, какъ и мужчины, любятъ лѣтомъ коротать на немъ свои досуги.

Стѣть еще сказать теперь нѣсколько словъ о томъ, какъ устраиваютъ у себя сарты отхожія мѣста. При тамошнемъ зноѣ, это — вопросъ очень важный, и, будь они плохо устроены, лѣтомъ совсѣмъ бы дышать нечѣмъ было.

Гдѣ-нибудь между службами, а то и просто внутри конюшни, сартъ вырываетъ очень глубокую яму — до 3-хъ саженей въ глубину; сверху устраивается деревянная настилка, покрытая слоемъ глины. Благодаря такой глубинѣ ямы и очень опрятному содержанію отхожаго мѣста, даже въ самое жаркое лѣтніе времена не замѣтно въ немъ ни малѣйшаго запаха. Если принять во вниманіе нестерпимый лѣтній зной въ Туркестанѣ, то станетъ понятнымъ, насколько здорово такое разумное устройство этого мѣста.

Мы уже знаемъ теперь, какъ строить сартъ свое жилище; остается прибавить еще, что онъ страшный любитель садовъ, и у всякаго мало-мальски зажиточнаго городскаго хозяина при дому всегда почти найдется садъ, а у богатыхъ людей и не

одинъ. Если такой счастливецъ живеть въ самой бойкой части города, гдѣ земля дорога, да и мало ея, то сады его помѣщаются не при домѣ, а поближе къ городской окраинѣ. Тутъ же устраивается небольшое помѣщеніе для лѣтняго жилья и кое-какая конюшня для лошадей; такъ что на лѣто богатый сартъ перебирается со своею семьей какъ бы на дачу.

Обыкновенно, садъ бываетъ размѣромъ не большие десятины и обносится глинобитнымъ заборомъ, вдоль которого въ одинъ или два ряда идутъ тутовые деревья, тополь, порою вишни, яблони или сливы. Дорожекъ нѣть, и растеть тутъ все выѣсть: и плодовыя деревья и овощи. Посреди сада разбить виноградникъ, кусты которого разсаживаются такимъ образомъ, что, разросшись, они образуютъ рядъ сплошныхъ крытыхъ бесѣдокъ. Тутъ же протекаетъ неизмѣнныи арыкъ, безъ которого, конечно, немыслимо было бы устройство сада въ Туркестанѣ. Неподалеку отъ виноградника рѣдкими кустами разсажены гранаты. Остальная часть сада занята огородомъ; тутъ рядомъ съ дынями и арбузами засѣваются тыква, морковь и лукъ; тутъ же растеть и кукуруза. Плодовыя деревья разбросаны по всему саду какъ попало, безъ всякаго определенного плана.

Въ селеніяхъ сады встрѣчаются рѣже, но зато

при всякомъ домѣ имѣется огородъ. И тутъ также вдоль забора въ рядъ или два посажены тутовые деревья, листья которыхъ идутъ на кормъ шелковичнымъ червямъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сарты производятъ большиe посѣвы дынь, они въ маѣ мѣсяцѣ, когда дыня начинаетъ завязываться, переселяются со своими семьями на бахчи и здѣсь проживаютъ прямо въ щалашихъ.

Нарядъ у сартовъ имѣетъ огромное значеніе, и про сарта уже прямо можно сказать, что онъ по платью встрѣчаетъ человѣка и по платью же провожаетъ. Въ будни сартъ будетъ ходить какъ попало—чуть ли не въ лохмотьяхъ, но въ празднику даже самый послѣдній бѣднякъ непремѣнно купить себѣ какую-нибудь обнову, хотя бы ему для этого пришлось отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ. Если у иного щеголя дѣла вдругъ пошли хуже, и онъ явится на гулянье не въ обновѣ—прямо бѣда! Пойдутъ пересуды и догадки—не промотался ли онъ, не сталъ ли пьянствовать, не играетъ ли въ карты? Стоустая молва договорится до того, что начнетъ обвинять его чуть ли не въ безбожіи: „Пока онъ вѣрилъ въ Бога“, скажутъ злые языки, „Богъ и помогалъ ему, а теперь отступилъ“...

Одежда сарта состоять изъ рубахи, шароваръ и длиннаго просторнаго халата, опоясаннаго кушакомъ. Нечего говорить, что цѣнность наряда зависеть отъ достатка каждого: богатый сошьетъ себѣ и шелковый халатъ, а бѣдный и за тиковый хватить Господа.

Голову сартъ покрываетъ сначала *тюбетейкой*— круглою татарской ермолкой, а сверхъ нея надѣваетъ *чалму*. Мы уже раньше упоминали, что чалма состоять изъ куска бѣлой (а иногда и пестрой) ткани, который навивается на голову и ложится красивыми, пышными складками.

Сартъ очень дорожить своимъ головнымъ уборомъ, и иной щеголь простоять не мало передъ зеркаломъ, пока повяжетъ свою чалму. По нѣскольку разъ онъ перевяжетъ ее, надѣстъ и женѣ и всѣмъ домочадцамъ, пока, наконецъ, выберется на улицу.

На ноги сартъ надѣваетъ *ичиги* и калоши. Ичиги шьются изъ тонкой кожи, безъ подошвъ и по большей части расшиваются разноцвѣтными узорами. Надѣваются они прямо на босу-ногу, а, выходя изъ дома, сверхъ нихъ надѣваютъ еще и калоши.

Нарядъ сартянки очень похожъ на одежду мужчинъ; онъ состоять также изъ шароваръ, рубахи и длиннаго халата. Шаровары шьются длинные—до

ступни или щиколотки; сверху, до колѣнъ, очень широкіе, а книзу все уже и уже, такъ, чтобы

могла только пройти нога; низы обшиваются пестрою тесьмой. Ткань на шаровары берется опять-

таки смотря по достатку: богатыя щеголихи шьютъ изъ кумача, яркаго ситца, канавса (шелковой матерії); бѣдныя же довольствуются грубою бумажной матеріей мѣстнаго издѣлія, чаще всего бѣлаго цвѣта. Низы такихъ шароваръ обшиваются для щегольства кумачомъ, ситцемъ или канавусомъ—четверти на полторы или двѣ. Ходить безъ шароваръ взрослая сартянка считаетъ не только зазорнымъ, но и прямо грѣхомъ; даже крошечныхъ дѣвочекъ въ 2—3 года начинаютъ уже пріучать къ нимъ. Рубаху сартянка носить очень широкую и длинную—до щиколотокъ, при чёмъ она уже заодно служить и платьемъ; шьется эта рубаха съ длинными рукавами, гораздо ниже колѣнъ. Когда сартянка пляшетъ, она помахиваетъ концами этихъ рукавовъ, какъ у насъ платочкомъ. Воротъ обшивается широкою узорной тесьмой, и прорѣзъ дѣлается или прямой или на обоихъ плечахъ.

На рубахи идетъ тоже разная матерія: будничная—попроще, праздничная—понаряданье. Въ селеняхъ сартянки въ будни надѣваются изъ мѣстной грубой бумажной матеріи, въ праздники же изъ кумача или ситца. Въ городахъ, напротивъ, только самая бѣдная женщина надѣнетъ грубую рубаху, а мало-мальски зажиточная горожанка шьетъ изъ гладкаго или узорнаго кумача или же изъ яркихъ ситцевъ съ крупными узорами. А по праздникамъ

такая щеголиха наряжается и въ шелковую рубаху.

Шаровары и рубаха составляютъ домашній нарядъ сартянки; къ этому надо еще прибавить платокъ на головѣ бѣлый или красный; ходить съ непокрытою головой считается тамъ большими грѣхомъ. Волосы замужняя женщина заплетаетъ въ двѣ косы; къ нимъ городскія щеголихи подвязываютъ бусы и разныя побрякушки; въ селеняхъ же, кромѣ того, подвязываютъ иногда для тяжести просто небольшой просверленный камешекъ, чтобы коса не болталась при движениі.

Дома сартянка ходить лѣтомъ босикомъ, а выходя на дворъ, прямо на босу-ногу надѣваетъ калоши. Въ холодное время года болѣе зажиточные женщины носятъ ичиги съ калошами; бѣдныя же круглый годъ ходятъ либо въ однѣхъ калошахъ, либо въ однихъ ичигахъ. Чулки встречаются очень рѣдко, такъ же какъ и русскіе ботинки, которые надѣвать только развѣ самая записная щеголиха.

Намъ известно уже, что сартянка не должна показываться постороннему мужчинѣ съ открытымъ лицомъ. Вотъ почему, собираясь выходить изъ дома, женщина еще на внутреннемъ дворѣ набрасываетъ на голову густую сѣтку изъ чернаго конскаго волоса, которая закрываетъ не только лицо, но и грудь. Поверхъ этой сѣтки, прямо на голову накиды.

дывается еще длинный сѣрый халатъ: Коранъ запрещаетъ женщинѣ выходить на улицу въ яркой одеждѣ, дабы не привлекать взоровъ мужчинъ... Шьется халатъ опять-таки, смотря по средствамъ, изъ бумажной или полушелковой матеріи и очень длинный—до щиколотокъ, а то и до самой земли. Но всего замѣчательнѣе рукава необыкновенной длины; они висятъ за спиною и иногда прямо волочатся по землѣ.

Въ холодное время года сартянка надѣваетъ двѣ рубахи—похуже снизу, а поновѣе и понаряднѣе сверху; поверхъ рубахъ ватный халатъ такого же покрова, какъ и у мужчинъ, только онѣ не подпоясываютъ его кушакомъ. Лишь въ самыхъ печальныхъ случаяхъ—при оплакиваніи покойника на дому или при хожденіи къ нему на могилу—женщины, въ знакъ траура *), подпоясываются синими кушаками. Ватные халаты шьются изъ ситца, узорнаго кумача, полушелковой или шелковой матеріи. Богатыя сартянки надѣваютъ зимою поверхъ рубахъ шубу, такого же точно покрова, какъ и ватные халаты, только на мѣху—барашкѣ, лисьихъ лапкахъ или дикой кошкѣ, съ оторочкой изъ бобра, куницы или выдры.

Нельзя похвалить сартовъ за опрятность; напротивъ того, при всей любви ихъ къ щегольству,

* Печали.

таровары и рубахи смѣняются и моются чрезвычайно рѣдко, въ особенности у людей небогатыхъ. Иной тогда только смѣняетъ ихъ, когда они совсѣмъ заскорузнутъ на немъ, а голь такъ прямо никогда и не моеть: носить до тѣхъ поръ, пока они истлѣютъ на немъ и пойдутъ валиться клочьями...

Дома сартянка даже въ зажиточной семье ходить грязная и неопрятная, въ затасканной ситцевой рубахѣ, но, собираясь куда-нибудь изъ дома, непремѣнно разодѣнется по праздничному, хотя прямо и надѣваетъ поверхъ этой грязной рубахи шелковую и такой же халатъ. Но зато, вернувшись домой, такая щеголиха сейчасъ же и снимаетъ свой праздничный нарядъ и бережно прячетъ его въ сундукъ; вотъ почему она служить обыкновенно очень долго, и иная за всю жизнь износить только 2—3 шелковые рубахи.

Мы уже знаемъ, что сартянки до страсти любятъ наряды и очень падки до обновъ. Бѣда, если подойдетъ великий праздникъ, а мужу не на что купить обновы женѣ! Спорамъ и раздорамъ не будетъ конца: часто дѣло доходитъ до того, что расходившаяся жена божится и клянется, что послѣ праздника пойдетъ къ имаму просить развода. Конечно, угрозами все дѣло обыкновенно и кончается, но нѣтъ на свѣтѣ большей обиды для сартянки, какъ остаться къ празднику безъ обновы.

Кромъ нарядовъ, сартянки еще очень падки и до различныхъ украшений: всевозможныя бусы, кораллы, серьги, кольца, браслеты *), разныя привѣски — все это предметъ мечтаний и зависти туземной женщины. Чѣмъ длиннѣе серьги, тѣмъ сильнѣе онъ манять щеголиху, и иная, смотришь, нацѣпить пару до четверти аршина въ длину со всѣми побрякушками, вѣсу же настолько солиднаго, что частенько прорываются уши. Ко всему этому мы должны прибавить еще, что у сартовскихъ женщинъ существует обычай бѣлить и румянить себѣ лицо, красить брови и рѣсницы. Раньше красили еще и ногти на рукахъ и ногахъ, иногда и ладони, но теперь этотъ обычай выводится, и рѣдко, да и то только въ городахъ и по праздникамъ, можно встрѣтить еще окрашенныя руки.

Сартянки, и взрослые и дѣвочки, очень любятъ украшать свои волосы цветами. А весною даже и у каждого сарта можно видѣть около уха воткнутый за тюбетейкой (ермолкой) цветокъ. Дѣвочки также не отстаютъ отъ взрослыхъ и весною сдираютъ съ вѣтвей тоненькия полоски коры совсѣмъ, съ молодою листвой, вплетая ихъ въ косы.

Пища у сартовъ очень разнообразная и зависить, какъ и у всякаго другого народа, отъ до-

* Обручи на рукахъ изъ серебра или золота.

статка человѣка: богатый Ѣсть лучше и больше, а бѣдный довольствуется малымъ и незатѣйливымъ.

Самымъ любимымъ народнымъ кушаньемъ считается у сартовъ *палау*. Приготавляется это блюдо такимъ образомъ: прежде всего отвариваются въ котлѣ баранину, и, когда она совсѣмъ уже поспѣла, ее вынимаютъ и поджариваются въ салѣ вмѣстѣ съ морковью и лукомъ. Потомъ все это кладется въ оставшуюся послѣ варки жижу, насыпаются туда рису и варятся до тѣхъ поръ, пока не получится крутая каша; тогда палау и считается готовымъ.

Когда кушанье это надо подавать, то самую кашу выкладываютъ на блюдо горкой, а поверхъ нея кладутся неразрѣзанные куски баранины. Одинъ изъ обѣдающихъ беретъ баранину прямо рукой и крошитъ ее на мелкие куски. Готовятъ палау обыкновенно вечеромъ, къ закату солнца, днемъ же только въ случаѣ прихода гостей.

Это любимое кушанье въ такомъ почетѣ у сартовъ, что часто служить даже предметомъ подарка.

Такъ, напр., вечеромъ, наканунѣ большихъ праздниковъ, знакомые и родственники обмѣниваются другъ съ другомъ блюдами палау. Богатые люди частенько лакомятся этимъ излюбленнымъ народнымъ кушаньемъ; ну, а бѣдные, конечно, только изрѣдка могутъ побаловать себя имъ: вѣдь, блюдо это не изъ дешевыхъ. Однако, всякий, даже и мало-

состоятельный человѣкъ, хоть разъ въ недѣлю не-премѣнно старается полакомиться имъ—а именно: подъ праздникъ въ четвергъ вечеромъ: известно, что магометане празднуютъ пятницу, какъ мы воскресенье.

Это же самое кушанье готовится еще и въ жидкому видѣ, и получается, собственно, рисовая размазня на салѣ, смѣшанная съ мелкими кусочками баранины, морковью и лукомъ.

Кромѣ этого излюбленного блюда, сарты готовятъ еще супъ изъ баранины или другого какого-либо мяса, приправленный перцемъ, лукомъ, морковью, рѣпой или тыквой. Ёдятъ еще похлебку изъ мелко изрубленного мяса съ рисомъ, лукомъ и кислымъ молокомъ. Въ богатыхъ домахъ приготавливаются колбасы изъ баранины, изрубленной съ печenkой и перемѣшанной съ рисомъ, а также и конскія колбасы.

Менѣе зажиточные семьи довольствуются болѣе скудною пищей; баранина и, вообще, мясо тамъ рѣдкие гости, а ёдятъ больше молочную рисовую кашу, жидкую кашицу изъ пшена, приправленную квашенымъ кипяченымъ молокомъ, болтушку изъ муки, поджаренной съ саломъ, въ видѣ жидкаго киселя, похлебку на молокѣ съ тыквой и рисомъ и т. д.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ блюдъ, у сартовъ

есть еще одно очень любопытное кушанье, известное подъ названіемъ *сумаляка*; это—родъ жидкаго киселя, который приготовляется изъ солода и муки, для чего искусственно проращиваютъ пшеницу. Варять сумалякъ всегда раннею весной, и на торжество это приглашаются одѣ только женщины и дѣвушки, при чёмъ каждая гостья приносить съ собою немного муки и солода. Собираются обыкновенно вечеромъ; почти всю ночь напролѣтъ старухи стоять надъ котломъ и варять сумалякъ, произнося при этомъ различные молитвы, а молодыя женщины и дѣвушки лакомятся орѣхами, изюмомъ и разными сладостями. Если случится, что на такой праздникъ случайно забредетъ какой-либо посторонній мужчина, то сартянки не разбѣгаются во всѣ стороны и не прячутся, какъ обыкновенно, а преспокойно продолжаютъ пировать. Вотъ почему и бываетъ частенько, что на такихъ женскихъ сборищахъ молодежь выслушиваетъ себѣ невѣсть. Только на утро вся компания расходится по домамъ, унося съ собою въ чашкахъ недоѣденный сумалякъ.

Лѣтомъ главную пищу сартовъ, какъ въ городахъ, такъ и селеніяхъ, составляютъ пшеничныя лепешки, кислое молоко и всевозможные плоды, которыми такъ богатъ этотъ край. Въ тѣхъ селеніяхъ, где запашки значительнѣе, ёдятъ и мяса больше, такъ какъ, лишь только хлѣбъ поспѣваетъ,

поселяне начинают вплоть до глубокой осени обмѣнивать его у мясниковъ на сало и мясо.

Тѣять сарты прямо на полу: ни столовъ, ни стульевъ, ни вилокъ, ни ножей не полагается. Палау вся семья єсть обыкновенно изъ общей чашки, а другія кушанья каждый въ особой посудѣ, при чемъ первую чашку хозяйка всегда наливаетъ мужу или старшему въ семье, а затѣмъ уже остальнымъ членамъ, себѣ же наливаетъ уже послѣ всѣхъ. Готовится кушанье очень опрятно, такъ какъ законъ запрещаетъ сартянкѣ дотрогиваться до него немытыми руками; такъ же достаточно опрятно содержится и вся посуда. Топливомъ при изготавлениі пищи служать главнымъ образомъ всевозможные отбросы растеній, всякія сорные травы, стебли хлопчатника, тонкія вѣтки виноградника, который подрѣзывается каждый годъ. Сартъ трудолюбивъ, но скучъ: взращенное имъ дерево онъ бережеть и холить—природа, вѣдь, обдѣлила его лѣсомъ. Угли же выжигаются въ горныхъ, дико растущихъ лѣсахъ.

Изъ напитковъ самый употребительный — чай. Готовятъ его сарты двоякимъ способомъ: или кипятить въ чайникахъ прямо на водѣ, или же варить въ котлѣ вмѣстѣ съ молокомъ, масломъ, перцемъ и солью. Состоятельные горожане по утрамъ пьютъ чай съ лепешками; бѣдные же зачастую вмѣ-

сто чая кипятить различные травы. Въ селеніяхъ утромъ готовятъ прямо какую-либо жидкую кашницу или же разогрѣваютъ вчеращіе остатки. Пьютъ чай въ фарфоровыхъ или глиняныхъ поливныхъ чашечкахъ и обыкновенно безъ сахара, хотя въ богатыхъ домахъ на столѣ и подается блюдо съ мелко наколотымъ сахаромъ.

Крѣпкіе напитки хотя и запрещены законами магометанской вѣры, но, къ сожалѣнію, годъ отъ году начинаютъ ихъ употреблять все больше и больше. Многіе поэтому думаютъ, что сарты переняли пьянство у русскихъ послѣ завоеванія ими края. Однако, это не совсѣмъ справедливо. Правда, туземцы стали пить теперь большие водки и виноградного вина, чѣмъ прежде, но зато у нихъ уже издавна былъ и свой опьяняющій напитокъ *буза*; это—родъ пива или браги, приготовляемый туземцами изъ проса. Да и до покоренія края сарты тайно изготавливали фруктовую водку и виноградное вино, и русскимъ властямъ немало потомъ пришлось бороться съ этимъ тайнымъ промысломъ. И хотя въ прежнія времена жестокіе ханскіе слуги безпощадно наказывали пьяницъ палками и плетью, но потихоньку сарты всегда пили, и нѣкоторыя туземныя книги по исторіи тамошняго края говорять чамъ, что не только иные простые смертные, но даже нѣкоторые ханы были горькими пьяницами..

Кончено

ГЛАВА IV.

Сватовство. — Свадьба. — Похороны и поминки.

АКЪ И У ДРУГИХЪ ВОСТОЧНЫХЪ народовъ, сватовство у сартовъ начинается очень рано. Уже въ 12—13 лѣтъ дѣвочка считается невѣстой, несмотря на то, что она съ большимъ увлеченіемъ играетъ еще въ куклы. Съ этого возраста женщины начинаютъ уже обращаться съ нею, какъ съ ровней, все чаще и чаще заговаривая о предстоящемъ ей вскорѣ замужествѣ.

Теперь юная невѣста все больше начинаетъ заниматься домашними работами, главнымъ образомъ—приготовленіемъ пищи, очисткой хлопка и пряжей нитокъ. Уже прошла та счастливая пора, когда она беззаботно рѣзвилась на улицѣ съ подругами: по обычаю, она можетъ забавляться теперь съ ними только дома; если же ей понадобилось пойти за чѣмъ-нибудь на улицу, то она должна держать себя чинно, степенно и скромно, какъ

взрослая. Уже рѣдко отпустить ее теперь одну далеко изъ дома; въ такихъ случаяхъ ее почти всегда сопровождаетъ кто-либо изъ младшихъ братьевъ или сестеръ. Но зато ходить по улицѣ въ компаний сверстницъ-подругъ не считается зазорнымъ у сартовъ: на празднествахъ и различныхъ увеселеніяхъ молодыя дѣвушки расхаживаютъ совершенно свободно и безъ всякихъ провожатыхъ.

Какъ и у всякаго народа, сартовская дѣвушка любить повеселиться, а порою даже и изъ работы устраиваетъ себѣ праздникъ. Такъ, напр., у сартянокъ очень приняты работы помочью: задумаетъ какая-нибудь женщина или дѣвушка очищать хлопокъ, перебивать вату, шить одѣяло или что-либо другое—сейчасъ созываетъ она къ себѣ на помочь знакомыхъ. И не скучаютъ сартянки на такой работе, а совсѣмъ наоборотъ: бубны такъ и гремятъ, а пляска и пѣсни вдоволь веселятъ душу... Хоть и небольшія мастеріцы пѣть сартянки, но пѣсню все-таки любятъ, при чемъ самою лучшей пѣвицей считается та, которая всѣхъ громче взвизгиваетъ и выкрикиваетъ слова; вотъ почему всѣ они и стараются пѣть какъ можно тоньше и громче.

Лѣтъ въ 13—15 дѣвушка уже выходитъ замужъ, при чемъ согласие на бракъ даетъ не сама невѣста, а ея родители. Какъ и у прочихъ магометанскихъ народовъ, женихъ-сартъ долженъ уплатить родите-

лямъ невѣсты выкупъ за нее, который наз. *калымъ*. Размѣръ калыма зависитъ, конечно, отъ достатка обѣихъ семей: чѣмъ богаче родные невѣсты, тѣмъ богаче ищутъ они и жениха, а следовательно—и калымъ будетъ больше.

Этотъ обычай—уплачивать за невѣсту выкупъ—большое благо для сартовской семьи. Мы уже знаемъ, что законъ разрѣшаєтъ у этого народа много-женство: сартъ можетъ имѣть до четырехъ женъ заразъ; но, на дѣлѣ, правомъ этимъ пользуются лишь самые богатые люди: вѣдь, за каждую жену приходится давать калымъ, а для средняго человѣка это очень накладно. Вотъ почему у большинства сартовъ имѣется по одной только женѣ, а стало быть, раздоровъ и ссоръ въ семье меныше. Нигдѣ не встрѣтить столько свары, какъ въ богатыхъ семьяхъ, гдѣ нѣсколько женъ: у каждой свои дѣти, за которыхъ она заступается, враждуетъ съ другими женами; братья и сестры отъ разныхъ матерей тоже ссорятся между собою, и не сыскать конца навѣтамъ, злобѣ и раздорамъ въ такой несчастной семье! Страдаютъ всѣ—и жены, и дѣти, страдаетъ и самъ властелинъ, и горько подчасъ клянетъ онъ тотъ день, когда соблазнился вельніями своей вѣры и вздумалъ взять себѣ лишнюю жену... Дѣло доходитъ иногда до того, что, измаявшись съ бабами, такой горемыка-богачъ выби-

раеть изъ нихъ самую подходящую, а съ остальными разводится, клятвенно обѣщаю уже никогда больше не жениться при живой женѣ. А иной разумный человѣкъ еще и лучше того сдѣлаетъ: пришло ему въ голову взять другую жену, но, глядя на пріятелей, измучившихся съ нѣсколькими женами, возьметъ да и махнетъ на это дѣло рукой. „Богъ съ вами“, подумаетъ такой остановившійся во время умница, „заводите себѣ сколько хотите женъ, а я ужъ съ одной какъ-нибудь вѣкъ дотяну. И съ этой-то подчасъ сладу нѣть, а съ двумя что будетъ? Хоть совсѣмъ со свѣту бѣги тогда!“

Въ разное время, т.-е. послѣ смерти жены или развода съ нею, сартъ можетъ жениться сколько ему угодно разъ. То же самое и женщина: овдовѣвъ, она можетъ выходить замужъ сколько ей вздумается. Но полюбится ей другой при живомъ мужѣ, она должна сначала развестись съ нимъ, а потомъ уже можетъ выходить замужъ за любимаго человѣка. Однако, разводы у сартовъ все-таки случаются не часто, и причина тутъ опять-таки калымъ: если затѣялъ разводиться мужъ, то пропадаетъ его выкупъ, а за новую жену опять, вѣдь, придется платить. А надумала избавиться отъ мужа жена, опять бѣда: родители ея обязаны, по закону, вернуть мужу калымъ, который они получили за дочь, а откуда его взять, когда давно уже

отъ него ни духу ни слуху не осталось?.. Вотъ почему позволить себѣ такую роскошь, какъ разводъ, могутъ опять-таки только богатые люди, которымъ деньги ни по чѣмъ.

Если въ семье сарта нѣсколько женъ, то хозяйкой дома считается всегда первая изъ нихъ: она наблюдаетъ за домашними дѣлами, сама дѣлаетъ только ту работу, которую захочетъ; все же оставленное обязаны исполнять по ея указанію младшія жены. Законъ велитъ послѣднимъ относиться съ почтеніемъ къ старшей женѣ, но на дѣлѣ, какъ мы говорили уже выше, этого никогда почти не бываетъ: сартияка нрава очень задорнаго. Правда, изрѣдка бываютъ случаи, когда двѣ жены живутъ между собою мирно и тихо, но тутъ уже неволя заставляетъ. Такъ, напр., одна у сарта жена, да ребята одолѣли; а тутъ еще дойная скотина и много другой домашней работы,—трудно ей управляться со всѣмъ этимъ. Служанку, особенно въ селеніяхъ, достать очень трудно, какой-нибудь безпріютной родственницы тоже не случилось; подумаетъ-подумаетъ жена, да, истомившись на работе, сама еще и высоватаетъ мужу вторую жену, лишь бы была работница хорошая да нравомъ уживчива...

Теперь посмотримъ, какъ устраивается самое сватовство у сартовъ. Мы уже знаемъ, что согласие

на бракъ зависитъ не отъ невѣсты, а отъ ея родителей, при чѣмъ сарть охотнѣе отдать дочь за ближняго жениха или за родню (конечно, насколько это разрѣшается закономъ), чѣмъ за дальняго или чуждаго человѣка. Тутъ родители разсуждаютъ такъ, что, очутившись на чужбинѣ, дочь ихъ вначалѣ будетъ сильно тосковать и, въ случаѣ чего, застучится-то за нее некому будетъ. А что касается до брака по родству, то и жениховы родные обыкновенно рады бывать такому случаю: родные, вѣдь, посговорчивѣе будутъ насчетъ калыма, и по-родственному можно и оттянуть кое-что.

Въ городахъ нерѣдко случается, что женихъ до самой свадьбы не знаетъ своей невѣсты, а видѣть ее впервые, когда молодую послѣ вѣнца привезутъ къ нему въ домъ. Но тамъ, гдѣ сарть женится на своей же односельчанкѣ или въ городахъ на дѣвушкѣ одного съ нимъ квартала, онъ прекрасно знаетъ свою будущую жену: и дѣвочкой-то онъ видаль ее, когда она бѣгала по улицамъ еще съ открытымъ лицомъ, а въ крайнемъ случаѣ и родственницы его всегда помогутъ ему устроить дѣло такъ, чтобы онъ еще до сватовства могъ разглядѣть свою суженую. Ну, а невѣстѣ разсмотреть жениха и вовсе не трудно: мужчина, вѣдь, лица не закрываетъ; тѣмъ не менѣе очень рѣдко молоденькая сартияка выходить по любви: выбираетъ, вѣдь, не она, а родители рѣ-

шаютъ ея участъ. Зато вдова или разведенная жена, вступая во второй бракъ, рѣшаетъ уже дѣло своею волей, и родители не вмѣшиваются; ну, а дѣвушкѣ подчасъ приходится куда какъ круто.

Въ старину существовалъ обычай сговаривать дѣтей еще съ колыбели. Дружать между собою родители мальчика и дѣвочки, возьмутъ да и порѣшать дѣло съ пеленокъ. И насчетъ калыма легче въ такихъ случаяхъ бывало жениховымъ роднымъ: отъ сговора до свадьбы еще сколько лѣтъ пройдетъ,—постепенно и можно будетъ выплачивать. Но теперь обычай этотъ уже выводится изъ употребленія,—сватовство начинается гораздо позже, когда дѣвушкѣ 13—15 лѣтъ, а парню 16—18. Въ этомъ же возрастѣ они и женятся, если только, конечно, родители жениха сумѣли припасти калымъ.

Вотъ порѣшили, наконецъ, родители, что пришла пора жenить сына и надо начать сватовство. Собирается прежде всего семейный совѣтъ и начинаетъ разбирать невѣсту. Остановившись на известной дѣвушкѣ, посылаютъ къ ея родителямъ сваху или родственницу жениха. Если выбрана невѣста изъ незнакомаго дома, то сваха не только самымъ внимательнымъ образомъ разглядываетъ невѣсту, но еще зорко слѣдитъ за порядкомъ въ домѣ: сарты твердо увѣрены, что, какова мать, такова же будетъ и дочь. Если родители невѣсты сразу даютъ

согласіе, то сваха тутъ же получаетъ въ подарокъ платокъ, полотенце или другую какую-нибудь вещь. Но бываютъ случаи, что и родители невѣсты сначала хотятъ поглядѣть жениха и его домъ и просятъ подождать отвѣта, сами же тѣмъ временемъ снаряжаютъ къ нему на развѣдки какую-либо родственницу. Черезъ нѣсколько дней жениховы свахи снова являются за отвѣтомъ.

И вотъ, наконецъ, съ Божіей помощью все улажено: свахи вернулись съ радостною вѣстью, и на другой день мужчины изъ семьи жениха отправляются къ невѣстинымъ роднымъ, чтобы столковаться насчетъ калыма, подарковъ невѣстѣ, свадебнаго угощенія и другихъ важныхъ статей. Какъ только все эти вопросы покончены, родственники жениха опять направляются въ домъ невѣсты и на этотъ разъ несутъ съ собой чашку палау, лепешекъ и, смотря по достатку, разные подарки невѣстѣ, какъ-то: калоши, зеркальце, ситцы или шелковая матерія и т. д. Конечно, чѣмъ богаче женихъ, тѣмъ цѣннѣе подарки, и въ богатыхъ семьяхъ на нихъ иногда тратится изрядная сумма.

Лица, принесшія подарки, принимаются съ большимъ почетомъ. Послѣ обильного угощенія кто-либо изъ присутствующихъ произносить вслухъ: „Богъ велики!“, и тогда считается, что обрученіе состоялось, хотя ни жениха ни невѣсты при этомъ не сарты.

было. По обычаю, родные невесты, дабы не ударить лицомъ въ грязь, всегда отдаридаютъ щедраго жениха: тѣ же самые подносы, на которыхъ принесены подарки невестѣ, нагружаются цѣнными вещами и отсылаются въ домъ жениха.

Послѣ словора невеста должна самыи старательнымъ образомъ избѣгать встрѣчи со всею женской родней, такъ же какъ и онъ прятаться отъ ея родныхъ. Немало потѣхи бываетъ у сартовъ благодаря этому странному обычайу. Стоитъ, напримѣръ, на базарѣ невѣстинъ отецъ и приторговываетъ себѣ арбузъ; вокругъ арбы, народу много. Вдругъ подходитъ женихъ и тоже начинаетъ прицѣниваться къ товару, не подозрѣвая, что тутъ же стоитъ его будущій тестъ. А народъ вокругъ уже смекнуль, въ чёмъ дѣло, и начинаетъ потихоньку пересмѣиваться. Вотъ стариикъ оглянулся, смотрѣть по сторонамъ, чего смыются люди? Оглянулся и женихъ, и, увидавъ другъ друга, оба какъ шальные бросились въ разныя стороны при дружномъ хохотѣ довольныхъ земляковъ.

Срокъ свадьбы зависить какъ отъ возраста сговоренныхъ, такъ и отъ уплаты калыма. Если родители жениха люди зажиточные и могутъ безъ задержки уплатить условленный выкупъ, да и возрастъ жениха и невесты подходящій, то свадьба не откладывается на дальній срокъ. Не бѣда также

когда при небольшомъ достаткѣ юный возрастъ сговоренныхъ задерживаетъ дѣло: тѣмъ временемъ калымъ можно будетъ выплатить частями. Но вотъ горе, когда семья жениха бѣдная, изъ силъ выбивается, чтобы разсчитаться въ условленный срокъ, да ничего не выходитъ; свадьба затягивается иногда надолго, невеста, смотришь, давно считается совершеннолѣтней по сартовскимъ законамъ. Вотъ тутъ-то между обѣими семьями поднимаются споры да раздоры, и иногда дѣло доходитъ до того, что обѣ стороны чуть не разоряются. Родители невесты торопятъ уплатою калыма, а бѣдная женихова семья, какъ ни выбивается изъ силъ, какъ ни разоряетъ свое хозяйство, а все-таки совсѣмъ развязаться не можетъ. Но и невѣстина родня при этомъ попадаетъ въ просакъ: калымъ-то они все время получали частями и тратили на свои домашнія нужды, а тутъ свадьба не за горами, и не на что дочери приданое справить. Вотъ когда наступаетъ самая тяжелая и разорительная пора въ семьѣ невесты! Недаромъ, видно, сартовская пословица говоритъ: „Какъ отдашь дочь замужъ, въ домѣ и вѣника не останется!“

Крайне рѣдко случается, чтобы свадьба почему-либо разстроилась послѣ того, когда уплачена хотя бы часть калыма: очень уже накладно выходить для той семьи, которая задумала отказываться. Если

отказъ идеть отъ жениха, онъ, по закону, теряетъ свой выкупъ; если же раздумали родители невѣсты, они обязаны немедленно вернуть жениху все сполна. Тотъ же порядокъ соблюдается и на случай смерти сговоренныхъ: умреть женихъ, его калымъ пропадаетъ, а умреть невѣста, ея родные обязаны вернуть все полученное въ семью ея жениха.

Свадьба у сартовъ празднуется по большей части осенью или зимою. Тогда и времени свободного у людей больше, да за весну и лѣто успѣваютъ запастись такими необходимыми для этого торжества предметами, какъ зерно, хлопокъ и т. д.

Какъ только условлена окончательная уплата калыма, назначается и день свадьбы. Наканунѣ или за нѣсколько дней до этого праздника, въ домѣ невѣсты справляется дѣвичникъ, на который собираются подруги и знакомыя женщины. Тутъ гости веселятся на славу, развлекаются пѣснями, плясками, ставится праздничное угощеніе.

Самое вѣнчаніе всегда происходитъ въ домѣ невѣсты, обыкновенно вечеромъ, и совершается чрезвычайно просто. Приходитъ женихъ, съ нимъ нѣсколько свидѣтелей изъ родственниковъ его; невѣста же тѣмъ временемъ сидитъ въ углу комнаты за занавѣской. Приглашенный для вѣнчанія имамъ

спрашиваетъ жениха и невѣсту, по согласію ли они вступаютъ въ бракъ? Если же невѣста—дѣвушка, то законъ позволяетъ ей, во вниманіе къ ея дѣвической стыдливости, не отвѣтить на этотъ вопросъ; если же вѣнчается вдова или разведенная, то она обязана непремѣнно отвѣтить на него. Послѣ этого имамъ читаетъ положенную молитву, и обрядъ вѣнчанія конченъ.

Угостившись на славу, женихъ и свидѣтели его отправляются во-свойси; молодую же привозятъ къ мужу потомъ, въ городахъ вскорѣ же послѣ вѣнчанія, а въ селеніяхъ по большей части только черезъ нѣсколько дней.

Вотъ, наконецъ, настало и время отѣзда молодой. Уже за нѣсколько часовъ къ дому ея потянулись со всѣхъ сторонъ родственницы и знакомыя. Начинается грустный обычай прощанія съ родными кровомъ: молодая садится на середину комнаты; на ней бѣлая кисейная рубашка, а голова повязана нѣсколькими платками, на подобіе чалмы; со всѣхъ сторонъ ее окружаютъ женщины—родственницы и знакомыя, и поднимается невообразимый вой.

Когда всѣ досыта наголосились, молодая встаетъ; ей закутываютъ лицо черною волосяной сѣткой и надѣваютъ длинный халатъ. Лишь только она снарядилась въ путь, отецъ беретъ ее за руку и вы-

водить изъ комнаты; женщины причитают и го-
сять на чёмъ съеть стоять. Но едва всѣ очутились
на дворѣ, какъ шумъ разомъ стихаетъ. А на улицѣ,
передъ домомъ, уже стоять одна или двѣ арбы,

смотря по количеству приданаго новобрачной. Толпа
ребятишекъ тутъ какъ тутъ; у нѣкоторыхъ въ ру-
кахъ бубны. Молодая садится въ арбу, за нею
вльзаетъ цѣлая куча бабъ и набиваются какъ сельди
въ боченкѣ; другая же арба нагружается прида-
нымъ. Наконецъ, свадебный поѣздъ трогается въ
путь, несчастная лошаденка еле снимаетъ съ мѣста
переполненную арбу и плетется, выбиваясь изъ силъ...
А тутъ еще рядомъ бѣгутъ мальчишки и хватаются
за колеса; нѣкоторые изъ нихъ оглушительно бьютъ
въ бубны и во все горло орутъ свадебныя пѣсни...

Медленно двигается свадебный поѣздъ, такъ
медленно, что едва обѣ арбы останавливаются пе-
редъ домомъ молодого, какъ тутъ же поспѣваютъ
пѣшкомъ всѣ тѣ женщины, которымъ не хватило
мѣста въ арбѣ. Вотъ молодую ввели во дворъ, и
тутъ же у самыхъ воротъ всѣ останавливаются.
Одна изъ свахъ подходитъ къ новобрачной, обни-
маеть ее, медленно ведеть впередъ и, мѣрно вы-
ступая шагъ за шагомъ, выкрикиваетъ по старшин-
ству имена молодого и всѣхъ его близкихъ род-
ныхъ, посылая каждому отдельный привѣтъ. Такъ
продолжается до тѣхъ поръ, пока все шествіе не
вступить во внутренній дворъ, гдѣ сваха въ по-
слѣдній разъ выкрикиваетъ: „Всѣмъ привѣтъ—боль-
шимъ и малымъ!“ Тутъ женщины входятъ въ ком-
наты, а мужчины отправляются на свою половину,
и начинается пиръ горой, который, смотря по до-
статку молодыхъ, длится иногда очень долго.

Переселившись въ домъ своего мужа, молодая,
по обычаю, цѣлыхъ три дня сидитъ за занавѣской,
скрываясь отъ своей новой родни. Въ нѣкоторыхъ
мѣстностяхъ, особенно въ селеніяхъ, она на третій
день послѣ свадьбы, рано утромъ уходитъ къ сво-
имъ роднымъ, гдѣ и остается на весь день. Вече-
ромъ оттуда шлютъ пословъ за молодымъ и его
родителями; начинается угощеніе, послѣ которого
новобрачные идутъ къ себѣ домой, и съ той поры

молодая уже перестаетъ прятаться отъ родныхъ своего мужа.

Въ родительскомъ домѣ молодымъ отводится отдельная комната, и живутъ они первое время всѣ сообща: пищу получаютъ изъ общаго котла, одежду справлять или старикъ отецъ, или же сами моложены тратятъ на это часть заработка. Иногда, правда, очень рѣдко, бываетъ, что молодые поселяются не у мужниныхъ родныхъ, а въ домѣ новобрачной, а именно: если молодой круглый сирота или молодая богаче своего мужа.

Но вотъ зажила новобрачная со своею новой родней. Первое время все какъ-будто идетъ хорошо— миръ и ладъ въ семье, на молодую не налагаются работой, а даютъ ей попривыкнуть къ новой жизни, новымъ людямъ и порядкамъ. Но едва проходитъ мѣсяцъ-другой, какъ свекровь мало-по-малу взваливаетъ на нее почти всѣ домашнія работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ и миру конецъ. Молодая недовольна непосильнымъ трудомъ, свекровь обрушиается на нее съ безконечными упреками въ дармоѣствѣ и лѣни... А молодой, заступаясь за жену, попутно упрекаетъ отца, что тотъ скучится на наряды ей изъ общихъ суммъ; словомъ, не проходитъ еще и года, а молодые уже крѣпко начинаютъ подумывать, какъ бы отдѣлиться отъ стариковъ. Такие раздѣлы настолько часты у сартовъ,

что въ зажиточныхъ семьяхъ сами старики выдѣляютъ женатыхъ сыновей спустя годъ послѣ свадьбы. Молодымъ отстраивается домъ на своеемъ или покупномъ участкѣ, даются необходимый рабочій скотъ и орудія для веденія самостоятельного хозяйства.

Однако, въ нѣкоторыхъ богатыхъ, особенно купеческихъ семьяхъ бываетъ и наоборотъ: старики-родители и нѣсколько женатыхъ сыновей ведутъ дѣло сообща, не помышляя о раздѣлѣ, живутъ они всѣ или на одномъ дворѣ или же на нѣсколькихъ смежныхъ, и лишь послѣ смерти отца распадается это большое общее хозяйство.

Ну, а бѣднымъ людямъ вездѣ, конечно, живется худо на свѣтѣ. Если родители не въ силахъ выдѣлить сына, устроивъ ему самостоятельное хозяйство, то молодые сами, на свой страхъ, отдѣляются отъ стариковъ. Они хотя и остаются жить съ ними на одномъ дворѣ, но заводятъ отдельный котелъ, свою посуду и тогда уже работаютъ и єдятъ особо отъ стариковъ. Нечего говорить, что отъ такого порядка обѣ семьи терпять одинъ лишь убытокъ: раздоры же, благодаря близкому сосѣдству, все равно не прекращаются между ними...

Мы уже знаемъ теперь, какъ происходятъ такія радостныя событія въ сем'ѣ сарта, какъ сватовство и свадьба. Поговоримъ теперь о болѣе грустныхъ минутахъ человѣческой жизни—о смерти и похоронахъ.

Достигнувъ преклоннаго возраста и сартъ и сартянка съ замѣчательнымъ спокойствіемъ ожидаютъ смертнаго часа. Они вѣрятъ, что каждому человѣку заранѣе предопределѣнъ срокъ жизни, что никакими силами нельзя измѣнить его, и спокойно и безропотно покоряются судьбѣ... Такъ, напр., на одного муллу, еще молодого человѣка, напали разбойники и нанесли ему смертельныя раны. До самыхъ послѣднихъ мгновеній умирающій былъ въ полной памяти и съ необыкновеннымъ спокойствіемъ, уже коснѣющимъ языкомъ, самъ читаль себѣ отходную.

Едва умирающій испускаетъ послѣдній вздохъ, какъ тотчасъ же начинается обычай *оплакиванія*. Покойнику закрываютъ вѣки, подвязываютъ платкомъ нижнюю челюсть, дабы ротъ былъ плотно закрыть, руки вытягиваютъ вдоль тѣла и покрываютъ трупъ кускомъ какой-нибудь матеріи. Поднимаются вопли и причитанія, на которыхъ собираются сосѣди; къ роднымъ и знакомымъ шлютъ вѣсть о томъ, что воля судебнаго совершилась. Получивъ это печальное извѣстіе, сарты, обыкновенно, говорять: „Богъ да будетъ милостивъ къ нему (или къ ней)!“

Приходятъ особые омывальщики или омывальницы покойниковъ. Понемногу начинаютъ сходить родные и знакомые. Женщины идутъ во внутренній дворъ, мужчины же собираются на своей половинѣ. Если умеръ мужчина, то его оплакиваютъ и мужчины и всѣ собравшіяся женщины,—конечно, каждый поль отдельно, на своей половинѣ; покойницу же оплакиваютъ однѣ только женщины, а изъ мужчинъ лишь самые близкіе люди—мужъ, сыновья и братья.

Омовеніе покойника происходитъ всегда въ отдельной комнатѣ, при чёмъ омывающіе надѣваютъ на руки маленькие мѣшечки, такъ какъ мертвое тѣло считается у сартовъ (какъ и у прочихъ магометанъ) предметомъ нечистымъ, прикосновеніе къ которому можетъ осквернить человѣка. Послѣ омовенія на покойника надѣваютъ саванъ изъ бѣлой бумажной матеріи, сшитый на подобіе мѣшка, только открытаго съ обоихъ концовъ. Концы эти завязываются надъ головой и у подошвъ, такъ что весь покойникъ какъ бы спрятанъ въ мѣшкѣ. Приносятъ длинныя похоронныя носилки, кладутъ на нихъ трупъ, который покрывается простыней, а иногда какою-нибудь матеріей или одеждой усопшаго, и выносятъ на наружный дворъ. Здѣсь собираются одни только мужчины, въ присутствіи которыхъ имамъ читаетъ установленную молитву, и затѣмъ они прощаются съ покойникомъ.

Хоронять сарты своихъ умершихъ или въ самый день смерти, или же, въ крайнемъ случаѣ, не позднѣе слѣдующаго утра. До кладбища носилки съ покойникомъ несутъ на рукахъ или ставятъ на арбу и провожаютъ его одни только мужчины; у каждого въ правой рукѣ посохъ и *синій* платокъ — цвѣтъ печали у сартовъ. Все шествіе молча подвигается впередъ, и лишь, когда хоронятъ богатаго мужчину, его оплакиваютъ все время и по дорогѣ къ кладбищу.

Могилы у сартовъ роются большія и глубокія — въ человѣческій ростъ; на днѣ ихъ дѣлается выемка. Когда похоронное шествіе приблизилось къ могилѣ, въ нее опускаютъ прикрытое простынею тѣло, и, пока могильщики укладываютъ покойнаго въ выемку на днѣ могилы, присутствующіе наверху все время держать простыню за края и углы. Трупъ укладывается навзничь, головой къ сѣверу; отверстіе выемки закладывается камнями или кирпичами, а вся яма засыпается землей. Тутъ имамъ читаетъ установленную молитву, послѣ чего всѣ возвращаются по домамъ.

На слѣдующій день, рано утромъ, съ первыми лучами солнца, на могилу отправляются женщины и воютъ тамъ по покойникѣ.

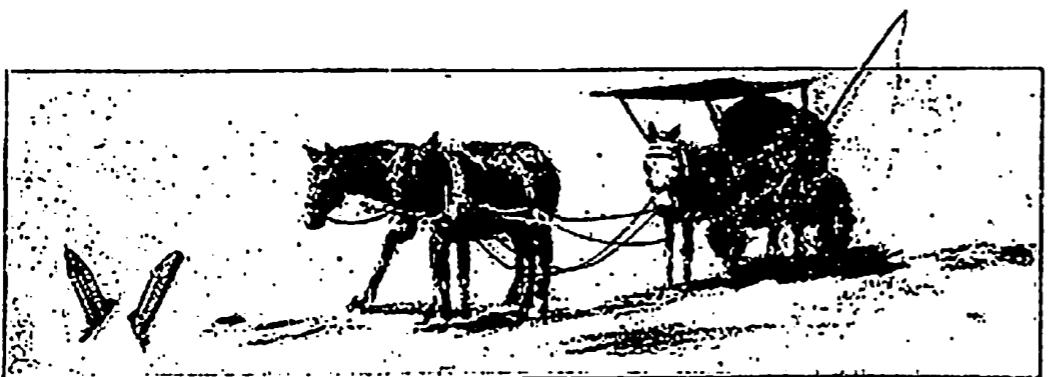
Если умираетъ женщина, не оставляя послѣ себя дочерей, то мужъ продаетъ оставшіяся послѣ

ней венци и на вырученныя деньги справляеть поминки. Кое-что изъ одежды покойницы полагается еще и тѣмъ родственницамъ, которыхъ оплакивали ее; точно такъ же и омывальщицы получаютъ или деньгами или что-нибудь изъ носильнаго платья покойной.

На третій день послѣ смерти устраиваются поминки, на которыхъ приглашаются какъ родные, такъ и близкіе знакомые. Здѣсь происходитъ угожденіе гостей и, кроме того, еще особый обрядъ оплакиванія поминаемаго покойника (или покойницы) женщинами. Всѣ онѣ на этотъ случай одѣваются въ синія рубахи, подпоясанныя синими же кушаками; въ правой рукѣ, въ знакъ печали, у каждой посохъ и синій платокъ. Наряженныя такимъ образомъ, всѣ онѣ выходятъ на середину комнаты и такъ же, какъ въ день похоронъ, начинаютъ приплясывать, выть и причитать. Иногда при этомъ женщины входятъ въ такой азартъ, что принимаются прямо неистовствовать: онѣ рвутъ на себѣ волосы, царапаютъ лицо и т. д.

Слѣдующія поминки сарты устраиваютъ въ сороковой день и въ годовщину смерти покойнаго.

ГЛАВА V. Чѣмъ занимаются сарты?

АОТЯ сарты народъ немногочисленный—ихъ всего около миллиона душъ,—но занимаются они самыи разнообразныи трудомъ. Однако, главное занятіе ихъ все же составляетъ земледѣліе, которое проявляется въ трехъ областяхъ Туркестана, населенныхъ сартами: Сырь-Дарьинской, Ферганской и Самаркандинской.

Мы уже упоминали, что магометанская вѣра считаетъ трудъ пахаря самыи благородныи на землѣ. Въ одномъ сказаніи сартовъ говорится, что земледѣліе имѣеть божественное происхожденіе и первымъ пахаремъ былъ архангель Гавріиль. Когда Адамъ былъ изгнанъ изъ рая и долженъ былъ самъ отыскивать себѣ пропитаніе, къ нему на помощь

явился архангель Гавріиль: онъ смастерила первый плугъ изъ одного райскаго дерева, тамъ же срѣзаль съ куста первый хлыстъ, вывелъ изъ рая первую пару быковъ и, проведя нѣсколько бороздъ по землѣ, передалъ плугъ Адаму... Въ этомъ же любопытномъ сказаніи говорится, что земледѣліе самое достойное изъ всѣхъ занятій человѣка, такъ какъ при немъ легче сохранить чистоту души и, кроме того, плодами его трудовъ одинаково питаются и богатый и бѣдный, и малый и великий, и сильный и слабый...

Въ былое время каждый почтенный земледѣлецъ, передъ тѣмъ какъ выйти весною на работу въ поле, собирая всѣхъ домочадцевъ и прочитывая имъ сказаніе о первомъ пахарѣ; въ этотъ день готовилось любимое народное кушанье палау, которымъ угощались равно хозяева и работники. Собираясь въ путь, земледѣлецъ смазывалъ рога воловъ льнянымъ масломъ, чтобъ, по народному повѣрю, должно было охранять ихъ отъ разныхъ болѣзней; только послѣ всего этого богообоязненный сартъ отправлялся въ поле и приступалъ къ работе.

Насколько народъ этотъ сроднился съ землей, видно хотя бы изъ того, что тамошніе богатые купцы, ведущіе даже торговыя дѣла съ Россіей, не только не бросаютъ земли, а наоборотъ: чѣмъ

больше они богатъютъ, тѣмъ все больше расширяютъ свои посѣвы. И что замѣчательнѣе всего — богатство очень мало сказывается на обычной жизни сарта: есть множество купцовъ-богатѣевъ, которыхъ по виду, одѣянію и домашней жизни не отличишь отъ самого обыкновенного земледѣльца-сарта.

Изъ хлѣбныхъ растеній туземецъ засѣваетъ больше всего пшеницу, которая въ Туркестанѣ бываетъ четырехъ сортовъ: 1) *красная пшеница* — самая цѣнная, изъ которой приготавляется наилучшій хлѣбъ; 2) *блѣлая* — похожа на нашу пшеницу; 3) *черноколосая* — съ тоненькими темнокоричневыми зернами, растетъ въ дикомъ видѣ и больше идетъ на кормъ лошадямъ и, наконецъ, 4) такъ-называемая *лѣтний плодъ*, — сортъ, поспѣвающій въ самое короткое время; пшеница эта замѣчательно легковѣсна и употребляется въ примѣси съ другими сортами; растетъ также въ дикомъ видѣ.

Кромѣ пшеницы, засѣваются *рисъ, просо, ячмень, и джугара, мѣстами кунакъ* (оба послѣднихъ злака — родъ мелкаго проса).

Едва ли половина сортовъ, занимающихъся исключительно земледѣлемъ, имѣть достаточный участокъ земли, доходъ съ которого обеспечивалъ бы имъ жизнь. Большинство же земледѣльцевъ со- всемъ не имѣеть своей земли; они или нанимаются

въ работники на все время полевыхъ работъ, или же арендуютъ чужую землю. Работникъ получаетъ отъ хозяина все необходимое для работы: зерно для посѣва, плугъ и воловъ или лошадей; самъ же онъ даетъ только свой трудъ и обязанъ вспахать землю, засѣять и слѣдить за орошениемъ ея, убрать урожай и ухаживать за рабочимъ скотомъ. За все это работнику полагается четвертая часть урожая пшеницы и третья хлопка и джугары. Но до расчета хозяинъ изъ общаго сбора вычитываетъ еще одну пятую часть на подати и плату жнедамъ. Живеть такой работникъ чаще всего у себя въ домѣ, особенно если онъ семейный; харчи же (на себя одного) получаетъ отъ хозяина, но по желанию можетъ получать ихъ прямо натурой.

Въ жнецы идутъ рабочіе изъ бѣдныхъ горожанъ или тѣхъ сельскихъ жителей, которымъ почему-либо не удалось пристроиться въ работники. За свой трудъ они получаютъ плату исподу, какъ отъ хозяина, такъ и отъ работника, и всегда зерномъ, а не деньгами. Работаютъ жнецы все время на хозяйственныхъ харчахъ, расчетъ же получаютъ разомъ уже послѣ окончательной уборки урожая. Поэтому зачастую бываютъ такие случаи: являются жнецы издалека, работаютъ у совершенно незнакомыхъ имъ людей и, окончивъ работу, отправляются въ ~~своеобразие~~. Только въ концѣ лета или въ началѣ осени сарты.

приходятъ они за расчетомъ, и, несмотря на то, что у нихъ не заключено съ хозяиномъ никакихъ письменныхъ условій, никогда не бываетъ ни споръ ни обмана.

Земледѣльцъ-арендаторъ мало чѣмъ отличается отъ описанного выше работника. Живеть онъ по большей части тутъ же на арендованной землѣ, иногда въ хозяйствомъ помѣщеніи, а иногда строить и свой собственный домъ, и нерѣдко случается, что мѣсто подъ усадьбой онъ приобрѣтаетъ потомъ въ полную собственность. Условія аренды зависятъ отъ того, кто даетъ зерно для посѣва, орудія и рабочій скотъ: если все это было отъ арендатора, то изъ урожая вычитаютъ подати и плату жнецамъ, а остальное дѣлится пополамъ между нимъ и хозяиномъ земли; если же отъ хозяина, то арендатору за его трудъ полагается столько же, сколько и работнику. Надо замѣтить, что мы брали здѣсь среднюю плату за трудъ, такъ какъ мѣстами она выше, мѣстами ниже, въ зависимости отъ доходности земли и количества рабочихъ рукъ; понятно, что при избыткѣ рабочихъ плата понижается и наоборотъ.

Поденійный трудъ въ сельскихъ мѣстностяхъ никогда почти не встрѣчается, а принять лишь въ пригородныхъ мѣстахъ; поденщики тамъ нанимаются для окучиванія дынь, джугары, кукурузы и

хлопчатника; въ селеніяхъ же всѣ эти работы производятся взаимною помочью. Расходы на поденыхъ рабочихъ несетъ, смотря по договору, или одинъ хозяинъ или пополамъ съ работникомъ.

Къ сожалѣнію, и среди сартовъ-земледѣльцевъ такъ же немало безземельныхъ, какъ у насъ. Чѣмъ ближе селеніе къ городу, тѣмъ больше въ немъ безземельныхъ, хотя даже въ самыхъ глухихъ мѣстахъ трудно встрѣтить такое селеніе, гдѣ бы ихъ совсѣмъ не было. И такъ же, какъ и у насъ, число безземельныхъ сартовъ изъ году въ годъ все растетъ да растетъ...

Цѣна на землю зависить, конечно, отъ ея доходности. Но какъ бы ни была она дорога, какъ бы мало ея ни было у сарта, онъ всегда сумѣть выжить изъ своей доли все, что только возможно: ни одного самаго крошечнаго клочка онъ не оставить безъ обработки—до того трудолюбивъ и разсчетливъ этотъ народъ. Ни одинъ прутикъ ни одна травка не пропадаютъ у сарта даромъ: нельзя скормить скоту, такъ онъ сожгетъ ихъ подъ котломъ, лишь бы зря не пропадали.

Послѣ земледѣлія слѣдуютъ садоводство и огородничество. Сады составляютъ красу Туркестана и гордость туземцевъ: богачъ-сارتъ щеголяетъ своими садами, и ими же измѣряется его богатство. Ухитрившись покрыть безводную песчаную степь

общирными прекрасными садами, сартъ бережно лелѣть свое любимое дѣтище: онъ обносить свой садъ глиняною стѣной, вдоль которой сажаетъ еще тополь, таль и туть, чтобы защитить свои плодо-вья деревья отъ холодныхъ вѣтровъ.

Посреди сада выкапывается прудъ, отъ кото-раго тянутся во всѣ стороны арыки.

Изъ плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ тру-долюбивый сартъ разводить виноградники, персики, гранаты, смоковницу, айву, тутъ, яблоки, груши, сливы, вишни, волошскіе орѣхи и мѣстами мин-далъ. Туземные плоды не отличались раньше осо-бенно нѣжнымъ вкусомъ; сарты не имѣли понятія ни о прищепѣ ни о прививкѣ. Но съ приходомъ русскихъ для садовъ наступила счастливая пора: наши любители-садоводы не пожалѣли трудовъ и денегъ, развели въ Туркестанѣ лучшіе сорта пло-довыхъ деревьевъ, и, глядя на нихъ, смысленный туземецъ уже безъ всякихъ затратъ улучшилъ свои породы.

На огородахъ сартъ разводить дыни разныхъ сортовъ, арбузы, свеклу, огурцы, морковь, рѣдьку, лукъ, бобы, кукурузу и мѣстами капусту и карто-фель. До прихода русскихъ сарты не знали ни капусты ни картофеля; прежде всего они стали разводить понемногу капусту, къ картофелю же долго питали недовѣrie, называя его „чортовымъ

яблокомъ“... Въ первое время послѣ завоеванія Туркестана онъ привозился для русскихъ издалека и стоилъ по 3 руб. за пудъ.

Главнѣйшимъ подспорьемъ въ сельскомъ хо-зяйствѣ сартовъ служать слѣдующіе промыслы: от-кармливаніе убойного скота, тканье грубыхъ бумаж-ныхъ и шерстяныхъ матерій, витѣе аркановъ, при-готовленіе войлоковъ, шелководство, пряжа ни-токъ, очистка хлопка, а также извозъ. Осенью и зимою, въ свободное отъ полевыхъ работъ время, трудолюбивый туземецъ рыскаетъ по степи, соби-раетъ на топливо сорные травы и кустарники, ухитряясь еще продавать ихъ на ближнихъ база-рахъ...

Какъ ни трудится неугомонный сартъ, но и природа ему помогаетъ. Рано начинается весна въ томъ краѣ. Въ областяхъ Сыръ-Дарынской, Ферганской и Самаркандской, гдѣ, главнымъ образомъ, проживаютъ сарты, полевые работы начи-наются уже въ концѣ февраля или въ началѣ марта. Тогда же появляются и нѣкоторые травы, зацѣва-ютъ понемногу миндальныя и абрикосовыя деревья. Въ маѣ наступаютъ уже жары и самая большая прибыль воды въ рѣкахъ; въ горахъ усиленно таетъ тогда снѣгъ.. Въ этомъ же мѣсяцѣ поспѣ-баютъ и ячмень, абрикосы и тутовыя ягоды. Въ іюнѣ уже готова пшеница, въ юль—виноградъ и

кукуруза. Эти два мѣсяца самые невыносимые по своей жарѣ, когда и по ночамъ страшная духота не даетъ покоя, а безчисленное множество комаровъ и мошечъ окончательно донимаетъ людей и животныхъ. Въ августѣ жить становится легче: днемъ жара уже не такъ мучаетъ, ночи прохладнѣе, понемногу исчезаютъ и комары. Осень, сухая и теплая, начинается здѣсь съ октября; къ концу этого же мѣсяца дозрѣваютъ хлопчатникъ и рисъ. Въ концѣ ноября или началѣ декабря наступаетъ зима, которая длится до половины или конца февраля. Въ горныхъ мѣстахъ лѣто короче и менѣе знойное, зима же длиннѣе и суровѣе: мѣстами уже не вызрѣваютъ рисъ, дыни, виноградъ, гранаты и хлопчатникъ, а вмѣсто нихъ сѣютъ ленъ и просо. И чѣмъ выше, тѣмъ ближе подходитъ природа къ нашей; а на высотѣ 7000 футовъ можно встрѣтить и нашихъ сѣверныхъ знакомцевъ—березу, ель и рябину.

Послѣ земледѣлія самыи распространеннымъ занятіемъ у сартовъ служитъ торговля—какъ между своими, въ Туркестанѣ, такъ и на вывозъ. Самыми выгодными предметами торговли считаются въ городахъ—хлѣбъ, а въ селеніяхъ—мясо. Едва бѣднякъ—земледѣльцъ убрался съ новымъ урожаемъ, онъ старается сбыть поскорѣе часть зерна: надо заплатить подати, да и другихъ нуждъ набралось

немало. Вотъ тутъ-то на помощь къ нему и являются торговцы-скупщики зерна. А, смотришь, оглянуться не успѣешь нашъ пахарь-горемыка, какъ подошла весна... Свой хлѣбъ давно уже подобрался, и опять плетется онъ все къ тому же благодѣтелю скupщику, и платить за свое же зерно уже втридорога...

Торговля мясомъ также идетъ бойко, несмотря на то, что законы магометанской вѣры крайне не одобряютъ этого рода занятій. Не говоря уже о городахъ, нѣтъ почти ни одного селенія, гдѣ не было бы мясника, и больше всего продвѣтаются эти торговцы тамъ, гдѣ большія запашки. Въ убойномъ скотѣ прежде всего цѣнится сало, а потомъ уже мясо, такъ какъ сало у сартовъ служить главной частью всякаго хорошаго кушанья. Лишь только въ маѣ поспѣваетъ ячмень, крестьянинъ-сартъ начинаетъ понемножку обмѣнивать его на мясо, да дѣло въ томъ, что мясникъ продаётъ свой товаръ по рыночной цѣнѣ, а зерно принимаетъ гораздо ниже настоящей. И такъ дѣло обстоитъ не съ однимъ только ячменемъ, а и съ прочими предметами сельского хозяйства, по мѣрѣ ихъ созрѣванія. До поздней осени таскаетъ бѣднякъ на базаръ пшеницу, ленъ и прочее добро, пока не перетаскаетъ понемножку большую часть собраннаго урожая; а тамъ наступаетъ печальная пора долгихъ

зимнихъ и весеннихъ голодовокъ... Вся бѣда въ томъ, что услужливые люди навезутъ всякаго товара какъ разъ въ такое время, когда у земледѣльца только что убранъ урожай, и не на деньги идеть тамъ торгъ—денегъ бѣдняку откуда взять?—а на зерно. А другая еще бѣда, что бѣднякъ—сارتъ мало привыкъ думать о черномъ днѣ; къ голодовкамъ ему не привыкать стать и, по невѣжеству своему, онъ такъ разсуждаетъ: „Коли сужено прожить, стало-быть, проживу и ни съ холоду ни съ голоду не помру!“ Вотъ бы кому вспомнить славную русскую поговорку: „На Бога надѣйся, а самъ не плошай!“

Много народу занимается еще барышничествомъ и мелкимъ торгаществомъ: перепродаютъ разный скотъ, зерно мелкими частями, бумажныя материі и другой товаръ. Занимаются этимъ, по большей части, или земледѣльцы, почему-либо отбившіеся отъ земли, или же безземельные горожане. Изъ селенія въ селеніе снуетъ такой неутомимый торгащъ, побываетъ на всѣхъ базарахъ, цѣлый день бежится, порою обрѣшиваетъ и обмѣриваетъ, а, смотришь, иной день чистаго барыша наберется не больше двугривенного...

По закону никакая купля и продажа не могутъ происходить заглазно, на дому: сбываемый товаръ всегда долженъ находиться налицо. Кромѣ того,

Коранъ совѣтуетъ при совершении торговыхъ сдѣлокъ приглашать двухъ свидѣтелей, которыхъ не всегда можно найти на дому. Вотъ почему мѣстомъ торговли у сартовъ и служатъ, главнымъ образомъ, базары, лавки и торговые ряды. Для искорененія обмана, а также, чтобы не причинить убытка тѣмъ купцамъ, которые почему-либо не могутъ торговаться по вечерамъ, законъ назначаетъ время для торговли отъ восхода до заката солнца. И действительно, едва только солнце скрылось изъ глазъ, всякий богобоязненный сартъ закрываетъ свою лавку.

Много хорошихъ постановленій содержитъ на счетъ торговли магометанскій законъ. Такъ, напр., нельзя продавать хлѣбъ на корню или другой какой бы то ни было товаръ оптомъ, а лишь такой, который можетъ быть точно осмотрѣнъ, сосчитанъ или измѣренъ. Если иной обыватель вздумаетъ продавать участокъ земли, садъ или домъ, вообще—какую-либо недвижимость, то прежде всего право на покупку считается за соседями; только послѣ ихъ отказа могутъ уже приобрѣтать и другія лица.

Какъ только продавецъ и покупатель заключили сдѣлку, присутствующіе при этомъ свидѣтели обязаны обратиться къ купцу съ вопросомъ: „Продали ли вы?“ „Купили ли вы?“—спрашиваютъ они затѣмъ, обращаясь къ покупателю. И лишь только

когда первый отвѣтить „продалъ“, а второй—„купилъ“, дѣло считается поконченнымъ,

Еще сравнительно въ недавнее время сарты твердо исполняли всѣ эти правила, но теперь они, къ сожалѣнію, соблюдаютъ ихъ уже не такъ рьяно, и то больше для видимости. До завоеванія Туркестана русскими за торговлей, какъ и, вообще, за поведеніемъ жителей, слѣдили особые ханскіе чиновники, *райсы*, которые жестоко наказывали за обвѣшиваніе или обмѣриваніе покупателей. Но съ приходомъ русскихъ, когда надъ сартами перестала уже висѣть грозная плеть ханскихъ слугъ, уменьшилась и честность купцовъ: на базарахъ то и дѣло стали обвѣшивать и обмѣривать, куски матерій ткутся все короче да короче, и обманъ понемногу выступаетъ все смѣлѣе да смѣлѣе...

Однако, обычай совершать продажу и куплю при свидѣтеляхъ до сихъ поръ еще прочно сохранился въ народѣ; порою бываетъ, что сдѣлка потому только не можетъ состояться, что подъ рукой нѣтъ двухъ свидѣтелей, безъ которыхъ обѣ стороны никакъ не могутъ столковаться. Благодаря этому обычаю, создался для многихъ сартовъ особый промыселъ *свидѣтеля*. Такихъ записныхъ свидѣтелей можно встрѣтить на любомъ конномъ или бараньемъ базарѣ; они снуютъ въ толпѣ, выслѣдываютъ, гдѣ совершается торгъ, и, замѣтивъ поживу,

вырастаютъ тутъ какъ тутъ. Уговаривая торгующихся, они торопятъ ихъ согласиться и при этомъ не только не церемонятся, а порою еще ругаются, если дѣло затягивается слишкомъ долго.

Замѣтивъ, что торгъ понемногу налаживается, смысленный свидѣтель хватаетъ торгующихся за руки, соединяетъ ихъ воедино, наскоро выкрикивая: „продали ли?“, „купили ли?“, послѣ чего дѣло считается законченнымъ, и, получивъ за свой трудъ положенную плату, свидѣтель исчезаетъ въ толпѣ, торопясь къ другому барану или лошади. Но по закону, въ случаѣ нужды, онъ обязанъ и даромъ оказывать помощь торгующимся. Само-собою разумѣется, розничная продажа мяса, хлѣба, овощей, обуви, матерій и проч. обходится всегда безъ сви-

дѣтелей: не говоря о томъ, что это было бы слишкомъ накладно, но и розничные цѣны на эти предметы вѣсмъ уже всегда извѣстны въ точности.

Кромѣ всего описаннаго, сарты занимаются еще шелководствомъ, тканьемъ бумажныхъ, полушелковыхъ и шелковыхъ матерій и всевозможными ремеслами. Изъ нихъ нѣкоторыя, какъ, напр., штукатурные и лѣпныя работы, всецѣло находятся въ Туркестанѣ только въ ихъ рукахъ. Лѣпныя украшения, которыми мастера-сарты отдѣлываютъ жилища богатыхъ туземцевъ, прямо замѣчательны по чистотѣ, тонкости и красотѣ работы. Сарты также хороши каменщики и плотники, но къ столярнымъ и токарнымъ работамъ они пока еще не совсѣмъ приспособились, хотя порою встрѣчается у нихъ очень мелкая и красивая работа, не только по дереву, но и по металлу. Не знакомы еще сарты съ кровельнымъ, малярнымъ и печнымъ мастерствомъ; но нечего сомнѣваться, что, при ихъ смышлености и искусствѣ, они со временемъ переймутъ у русскихъ и эти работы, и тогда трудно будетъ тамъ тягаться съ ними нашимъ русскимъ рабочимъ: сартъ неприхотливъ, онъ менѣе тратить на себя, чѣмъ русскій, да и водки не пить; въ былое время онъ работалъ ради одной только пиши...

Чтобы покончить съ занятіями сартовъ, намъ

остается еще прибавить, что нынѣ среди нихъ появилась, къ сожалѣнію, и ростовщики, хотя Коранъ строго запрещаетъ заниматься этимъ позорнымъ ремесломъ. Но жизнь дѣлаетъ свое дѣло: придетъ нужда, и тянется бѣднякъ къ ростовщику, и беретъ тотъ съ него лихву огромную. А тамъ дальше—больше, и не успѣль такой горюнъ оглянуться, какъ самъ надѣлъ себѣ петлю на шею и затягиваетъ ее все туже да туже...

А давно ли было то блаженное время, когда заемть сартъ денегъ, да самъ еще отъ заемодавца и расписку беретъ въ томъ, что долженъ онъ ему столько-то, а срокъ уплаты и рость такой-то! И считалось тогда, что, имѣя въ рукахъ такую расписку, должникъ можетъ быть спокоенъ, что не взыщутъ съ него больше, чѣмъ слѣдуетъ. И по сей-часъ еще далеко не старые люди хорошо помнятъ этотъ обычай, и не стональ тогда бѣднякъ-сартъ подъ гнетущею рукой неумолимаго кулака, какъ теперь...

ГЛАВА VI.

Воспитаніе и обученіе.—Народный судъ.—Жизнь при ханахъ.—Нравы и обычаи.

БОГАТЫ народъ необыкновенно чадолюбивый: дѣтей своихъ, особенно малышей, они балуютъ до того, что тѣ нерѣдко прямо отбиваются отъ рукъ и перестаютъ слушаться старшихъ. И что удивительнѣе, всего больше балуютъ дѣтей бѣдняки-земледѣльцы. Если такого отца упрекнуть во вредномъ баловствѣ ребяти, то онъ отвѣтить вамъ: „Что же дѣлать! У богатыхъ есть земля, сады, лошади, бараны—все это они холять и любятъ не меньше семьи; на долю же бѣдняка остаются одни только дѣти; больше ему нечего любить!“ Однако, родители отъ такой любви не легче—дѣти не рано становятся помощниками имъ.

Съ матерью дѣти, по большей части, живутъ дружнѣе, чѣмъ съ отцомъ. Да и неудивительно: уже съ первыхъ дней жизни ребенка мать начинаетъ

ублажать его. По повѣрю этого народа, давать ребенку плакать—большой грѣхъ; поэтому стоитъ только новорожденному запищать, какъ тотчасъ же его хватаютъ на руки, укачиваютъ и чѣмъ только возможно стараются унять. Вотъ почему сартовскія

дѣти и начинаютъ поздно ходить: всѣ въ семье нянчатся съ малышемъ и вѣчно таскаютъ его по рукамъ.

Но вотъ ребенокъ начинаетъ понемногу подрастать, уже прорѣзываются зубы. Если онъ при этомъ прихворнетъ, что, какъ известно, случается очень часто, то чадолюбивая мать лѣчитъ его довольно дикими средствами: посыпаетъ мукой, отчѣтываетъ, а если это не помогаетъ, то купаетъ его въ теплой крови только что зарѣзанного въ

пишу животнаго... Какъ только ребенку минулъ годъ, ему въ первый разъ стригутъ волосы, а раньше считается грѣхомъ; при этомъ устраивается цѣлое торжество, ради котораго готовится любимое народное кушанье—палау. Стрижетъ малыша не мать, а дѣдъ или отецъ—словомъ, кто-либо изъ старшихъ мужчинъ въ домѣ; на вискахъ оставляется по пучку волосъ, и, какъ только они подрастутъ, ихъ заплетаютъ въ косички. У дѣвочекъ къ нимъ подвѣшиваютъ кораллы, разныя бусы и другія украшенія; лѣтъ съ восьми ихъ совсѣмъ перестаютъ стричь и отпускаютъ волосы.

Лишь только ребенокъ становится крѣпко на ноги, мать заботится уже о немъ гораздо меньше. Съ этихъ поръ, напримѣръ, она почти совсѣмъ перестаетъ купать его, но зато самъ малышъ продѣлываетъ это въ полное свое удовольствіе: лѣтомъ, въ какомъ-нибудь мутномъ арыкѣ, можно видѣть, какъ цѣлыми часами барахтаются сартовскія дѣтишки безъ всякаго присмотра. Года въ 4 ребенка впервые обуваютъ и то только зимою, лѣтомъ же еще долго придется ему щеголять босикомъ; и это не только въ бѣдныхъ, но и довольно зажиточныхъ семьяхъ.

Вотъ, наконецъ, малышъ подросъ и уже сталъ толково говорить; сейчасъ же родители начинаютъ обучать его главнымъ правиламъ вѣры и необхо-

димымъ молитвамъ; кроме того, ребенку внушаютъ разныя правила вѣжливости: здороваться съ гостями, не трогать лакомство, которыми ихъ потчуютъ, и т. д.

Большой охотникъ маленькой сартъ до улицы и игръ: разъ только онъ мало-мальски сѣть и на дворѣ не очень холодно, онъ такъ и норовитъ улизнуть на улицу, гдѣ поджидаютъ его товарищи. И самая страшная жара ему ни почемъ: лѣтомъ, когда все живое, казалось бы, вотъ-вотъ совсѣмъ истомится отъ невыносимаго зноя, сартовскіе ребятишки прѣспокойно сидятъ себѣ съ непокрытыми головами, а зачастую и совсѣмъ-таки голые, посреди улицы и копошатся въ тучахъ пыли...

Самая любимая игры—это въ мячъ, бабки, камешки и прятки; раннею весной мальчики очень любятъ также пускать змѣя, на что они большие искусники: змѣи вырѣзываются ими въ видѣ питцы, дракона и т. д. Весело смотрѣть на игры сартовскихъ ребятишекъ—всѣ онѣ сопровождаются всевозможными припѣвами, пѣсенками и прибаутками, отчего оживленіе еще больше увеличивается. Очень любятъ также дѣти загадывать и отгадывать загадки, а въ длинные зимніе вечера нѣть большаго удовольствія у малышей, какъ слушать и рассказывать сказки. Сартовскія сказки очень похожи на наши русскія: тутъ и баба-яга, и золотая рыбка, и коверъ-самолетъ, и прочія волшебства.

Лѣтъ съ 8—9 дѣвочки уже перестаютъ играть съ мальчиками, а забавляются только съ подругами, все больше игрою въ куклы. Мы уже знаемъ, что сартовскія дѣвушки выходятъ замужъ очень рано—съ 12—13 лѣтъ она считается уже невѣстой—поэтому и немудрено, что до самой свадьбы дѣвочка не перестаетъ играть въ куклы, порою же продолжаетъ это занятіе и послѣ замужества. Съ этихъ же лѣтъ, т.-е. 8—9, мать понемногу начинаетъ пріучать дочь къ тѣмъ работамъ, которыми ей придется заниматься въ будущемъ: она учится шить, очищать хлопокъ, прѣсть и т. д.

Годамъ къ 10 дѣвочка начинаетъ уже причесывать голову, какъ взрослая. Въ богатой семье она въ этомъ же возрастѣ надѣваетъ и различныя украшенія, до которыхъ такія страстныя охотницы сартянки. Съ этихъ же поръ маленькая щеголиха начинаетъ привыкать подкрашивать себѣ брови и рѣсницы. Если родители собираются поскорѣе отдавать ее замужъ, то начинаютъ набавлять ей года. Въ 12—13 лѣтъ городская дѣвица закрываетъ себѣ лицо сѣткой, закутывается въ халатъ совсѣмъ съ головой и считается совершеннолѣтнею.

Если дѣвочка старшая въ семье, то положеніе ея довольно завидное: младшіе братья и сестры уважаютъ и слушаются ея—иногда даже больше, чѣмъ матери. Но бѣда, если у нея есть старшій

брать, тогда дѣло ея совсѣмъ не весело: никакого голоса въ семье она не имѣть, а считается только нянькой и помощницей матери; замѣчая все это, маленькия дѣти ея совершенно не слушаются и ни во что не ставятъ, а весь почетъ переходитъ къ старшему брату.

Школы у сартовъ бываютъ двухъ родовъ—низшия или приходскія, которая находится при каждой мечети, и высшия школы, имѣющіяся только въ городахъ и большихъ базарныхъ селеніяхъ. Приходская школа, по большей части, строится тѣмъ же самымъ лицомъ, которое построило и самую мечеть; она состоитъ изъ комнаты, где могутъ помѣститься отъ 10 до 30 учениковъ. Во время занятій дѣти сидятъ близко другъ къ другу прямо на полу, поджавъ подъ себя ноги, и читаютъ всѣ разомъ вслухъ, такъ что гулъ стоитъ кругомъ невообразимый. Обученіе въ такой приходской школѣ тягнется отъ 2 до 5 лѣтъ, и занятія идутъ каждый день, кромѣ пятницъ и другихъ праздниковъ.

Рано начинается ученіе въ школѣ: лишь только взошло солнышко, маленький сартъ уже бѣжитъ учиться. Часовъ въ 10—11 утра учениковъ отпускаютъ по домамъ завтракать; въ полдень они

снова уже въ школѣ и остаются тамъ часа на два, а бываетъ, что и до самаго вечера: наука не легко дается сартовскимъ ребятамъ... Лѣтомъ иногда, по договору съ родителями, учениковъ распускаютъ мѣсяца на два; за это время дѣти поправляются на волѣ и съ радостью отыхаютъ отъ непосильного ученія.

Въ учителя школы приглашаютъ, обыкновенно, своего же приходскаго имама или его помощника; если же они почему-либо отказываются, тогда только назначается постороннее лицо. При каждой школѣ чаще всего имѣется одинъ только учитель, но если дѣтей много, то онъ выбираетъ себѣ помощниковъ изъ лучшихъ старшихъ учениковъ. Въ тѣхъ селеніяхъ, которые отстоятъ далеко отъ города, трудъ учителя оплачивается очень недурно, такъ какъ тамъ мало грамотнаго люда; но плата учителю производится не деньгами, какъ у насъ, а почти всегда хлѣбомъ: за каждого ученика полагается не менѣе пуда пшеницы въ годъ, да еще кромѣ того, родители время отъ времени дѣлаютъ ему небольшие подарки—то деньгами, то разными припасами. А такъ какъ учениковъ въ школѣ человѣкъ 30, а порою и до 40, то живется такому учителю очень недурно.: Кромѣ всего этого, существуетъ еще у сартовъ такой обычай: каждый годъ, передъ наступленiemъ Рамазана, учитель составляетъ стихи, а

ученики наканунѣ этого праздника расхаживаютъ по своему приходу и громко распѣваютъ ихъ, собирая за это всевозможные припасы, которые они отдаютъ своему учителю. Въ стихахъ этихъ поется такъ:

„Прошелъ мѣсяцъ Рамазанъ,
Пришелъ праздникъ Рамазанъ;
Дайте мнѣ праздничный подарокъ—
Я отдамъ его своему учителю,
А вѣсъ Богъ вознаградитъ
За мое ученіе въ день суда!“

Въ городахъ дѣло обстоитъ иначе: тамъ плата полагается учителю не разъ въ годъ, а понедѣльно. Каждый четвергъ ученики приносятъ ему денегъ, хлѣба и риса, смотря по достатку своей семьи. Кроме того, существуетъ еще обычай дѣлать учителю небольшие подарки за каждую выучку отдельно. Такъ, напр., прочитаетъ ученикъ весь Коранъ — родители несутъ ему подарокъ; кончить книгу, гдѣ изложены правила омовенія, поста и молитвъ—опять полагается подарокъ и т. д.

Рано отдаетъ сартъ своего сына въ школу: еще 8 лѣть не микуло ребенку, а ужъ отецъ береть блюдо любимаго народнаго кушанья палау, либо другой какой гостинецъ, и приводить мальчика къ учителю. Поздоровавшись и вручивъ принесенный подарокъ, отецъ ведеть такую рѣчь: „Вотъ, господинъ, нашъ ребенокъ — поручаемъ его вамъ.

Учите его, бейте, сколько хотите: мясо его ваше, а кости—наши!“ Можно себѣ представить, каково это слушать малышу, который впервые переступил порогъ школы! Немало, должно-быть, пугаетъ его будущая наука... Нечего говорить, что учителя отъ даннаго имъ права не отказываются, и въ сартовской школѣ направо и налево раздаются не только щелчки и рванье за уши, но и изрядные побои...

Вотъ привели малыша въ школу. Жутко ему вначалѣ, въ особенности послѣ страшныхъ словъ отца. Начинается первый урокъ. Учитель береть мальчика за руку и велить повторять за собою первый стихъ изъ Корана.

„Хвала Богу—властителю вселенной!..“—бормочеть съ грѣхомъ пополамъ испуганный ребенокъ вслѣдъ за учителемъ совершенно непонятныя для него слова... Затѣмъ начинается обученіе азбукѣ. Ученику даютъ деревянную дощечку, на которой учитель первомъ надписываетъ буквы; полагается такая дощечка—по большей части, на двоихъ. Черезъ полгода ученикъ береть въ руки первую книгу, Коранъ на арабскомъ языкѣ, котораго онъ совершенно не понимаетъ; нерѣдко тѣмъ же грѣшенъ и самъ учитель, а если и понимаетъ, то очень плохо.

Когда ученикъ научился уже достаточно бѣгло читать, то приступаютъ къ письму; счету же въ

сартовскихъ приходскихъ школахъ совсѣмъ не обучаются. Кромѣ чтенія священныхъ книгъ, школьники заучиваютъ наизусть персидскіе стихи, которые у этого народа пользуются большимъ почетомъ. Каждая книга, какъ прежде дощечка, также полагается на двоихъ учениковъ.

Окончивъ приходскую школу, большинство учениковъ принимается за обычныя занятія сартовъ. Если же кто захочетъ избрать себѣ ученую дорогу, то поступаетъ въ высшую школу или *медресе*. Тамъ юноша обучается арабскому языку, богословію и разнымъ законамъ, все на томъ же мудреномъ для него языкѣ. Въ городахъ имѣется по нѣсколько такихъ школъ, и строятся онѣ опять-таки при мечетяхъ; въ каждой изъ нихъ нерѣдко до 100 и больше учениковъ и до 10 учителей. И въ большихъ базарныхъ селеніяхъ всегда найдется по такой школѣ, съ однимъ учителемъ и отъ 5 до 15 учениковъ.

Построить медресе считается у сартовъ дѣломъ богоугоднымъ; поэтому, раньше всѣ эти школы строились ханами или же просто богатыми людьми. При этомъ еще жертвователь отводилъ, обыкновенно, школѣ и землю, доходы съ которой идутъ не только въ пользу учителей, но и учениковъ; такое недвижимое имущество называется *вакуфомъ*. Самое зданіе школы строится изъ обожженаго кирпича, съ неизмѣнною плоской крышей. Ученики принимаются

не моложе 14—15 лѣтъ и такъ же, какъ учителя, живутъ тутъ же, для чего при школѣ устроены особыя кельи; въ каждой изъ нихъ помѣщается отъ 1 до 4 человѣкъ. Обученіе въ медресе длится очень долго, и находятся порою такие любители, что и на всю жизнь остаются тамъ, благо получаютъ готовое содержаніе.

Однако, пытаются ученики довольно плохо. Обычаго стола не полагается, а каждая келья кормится своей артелью и часто готовить ёду тутъ же у себя. Но бываетъ и такъ, что въ одной кельѣ живутъ по троемъ, а ёдять всѣ врозь. Вся пища состоитъ изъ чая, хлѣба, сушеныхъ и сырыхъ плодовъ, и только изрѣдка полагается излюбленный палау или другое какое-либо сытное блюдо. Зато ученаго сарта всегда и по одному виду узнать легко: лицо у него замореное и блѣдное, руки бѣлыя, не рабочія, и одѣть онъ, если и бѣдно, то всегда опрятно. А начнетъ говорить, то и дѣло вставляетъ въ свою рѣчь разныя арабскія и персидскія слова—говорить такъ тихо и вѣжливо...

Послѣ завоеванія Туркестана русскими, наше правительство мало-по-малу стало открывать еще такъ-называемыя *русско-туземныя* школы, гдѣ бы сарты могли обучаться и русской грамотѣ. Первая такая школа открыта была въ Ташкентѣ въ 1884 г. Первыми учениками въ ней были 39 мальчиковъ—

все дѣти именитыхъ сартовъ, которые захотѣли подать тѣмъ добрый примѣръ своимъ сородичамъ. Нечего говорить, долго косились туземцы на эти новыя школы, но мало-по-малу поняли, какую пользу принесетъ ихъ дѣтямъ знаніе русскаго языка. Прежде всего, наше правительство стало назначать на туземныя должности тѣхъ сартовъ, которые знакомы были съ русскою грамотой. Да и торговля съ русскими годъ отъ году все расширяется, и вотъ тутъ-то туземцы увидали, насколько трудно будетъ обойтись ихъ дѣтямъ безъ знанія русскаго языка. Такъ-что въ настоящее время школы эти не только не пустуютъ, но, наоборотъ, открываются все новыя да новыя. А иѣкоторые почетные и болѣе образованыя сарты отдаютъ своихъ сыновей и въ русскія гимназіи.

Въ русско-туземныхъ школахъ русскіе учителя обучають чтенію и письму по-русски, а также и счету. Кромѣ того, туземные муллы учатъ и магометанскому Закону Божію, что очень привлекаетъ въ эти школы сартовъ.

Но зато для дѣвочекъ въ дѣлѣ обученія сдѣлано еще очень мало. Далеко не всѣ родители считаютъ нужнымъ обучать дочерей даже родной грамотѣ, а если ужъ кто надумаетъ, то посыпаетъ дѣвочку къ учительницѣ (туземной) на дожь; особыхъ же школъ не полагается. Ученіе ведется почти такъ

же, какъ и въ мужскихъ приходскихъ школахъ. Но какъ ни учатся сартовскія дѣвочки, а очень рѣдко выходятъ изъ нихъ хорошія грамотейки—научаются онѣ только съ грѣхомъ пополамъ читать Коранъ, иногда даже лишь одну какую-нибудь часть его, при чемъ читають, совсѣмъ не понимая, безъ всякаго смысла. Остальныя же книги онѣ разбираютъ съ большимъ трудомъ, а еще рѣже научаются письму. Однако, несмотря на все это, среди сартовскихъ женщинъ попадаются и знаменитыя: лѣтъ 85 тому назадъ были двѣ писательницы, стихи которыхъ и до сей поры очень wysoko цѣняются туземцами. Одна изъ нихъ прославилась до того, что являлась даже къ ханскому двору, а такъ какъ женщинамъ запрещено, по обычаю, доступъ въ общество мужчинъ, то она переодѣвалась въ мужское платье и приходила съ открытымъ лицомъ. Самъ ханъ отдавалъ ей большія почести и даже наградилъ ее генеральскимъ чиномъ...

Послѣ завоеванія Туркестана наше правительство оставило сартамъ ихъ *народный судъ*, съ которымъ они крѣпко сроднились.

Когда туземецъ вздумаетъ затѣять съ кѣмъ-нибудь тяжбу, онѣ прежде всего отправляется къ *мuftiю*. Обязанность этого судебнаго лица состоять въ томъ,

что онъ долженъ написать тяжущимся прошенія, а потомъ справиться въ магометанскомъ законѣ, спра- ведлива ли заявленная жалоба или нѣтъ. Отыскавъ отвѣтъ, мuftiй надписываетъ его на прошеніи, ко- торое передаетъ *казю* или народному судью. Тотъ выслушиваетъ обѣ стороны, рѣшаетъ дѣло и за- крѣпляетъ его своею печатью на прошеніи. У казя имѣется еще помощникъ, который по туземному на- зывается *аламъ*,—онъ тоже даетъ свой совѣтъ при рѣшеніи дѣла, а на случай болѣзни казя или от- пуска — замѣщаетъ его. Вотъ изъ этихъ-то трехъ лицъ и состоитъ народный судъ у сартовъ. Жало- ванья имъ отъ казны никакого не полагается, а вознагражденіе за веденіе дѣлъ они получаютъ отъ тяжущихся, при чемъ плата—или по таксѣ, утвер- жденной русскими властями, или же по взаимному соглашенію.

Прежде на всѣ эти должности назначало само правительство, теперь же онѣ выборныя. Число ка- зіевъ въ городахъ бываетъ различно, смотря по ко- личеству жителей, а въ селеніяхъ—по одному на каждую волость. Подсудны народнымъ судамъ дѣла о разводѣ, а также денежные иски не свыше 100 р. Если же кто взыскиваетъ съ кого-либо больше этой суммы, то онѣ обращается уже въ *уездныи суды казіевъ*. Туда же обращаются и тѣ лица, ко-

торые остались недовольны первоначальнымъ решениемъ суда.

Всѣ уголовныя дѣла сартовъ, а также иски между ними и русскими, вѣдаются уже нашими русскими судами.

До покоренія Туркестана русскими, еще при ханскомъ владычествѣ, жизнь сартовъ была крайне тяжела: за поведеніемъ жителей наблюдали особые ханскіе слуги, называвшіеся по-туземному *райсами*. На должность эту назначались, обыкновенно—люди богобоязненные, известные своимъ хорошимъ поведеніемъ и вполнѣ знакомые съ законами магометанской вѣры. Раисы эти зорко наблюдали—посѣщають ли жители всѣ установленныя службы въ мечети, и слѣдили тутъ не только за прихожанами, но и за самими священнослужителями. Стоило только раису узнать, напримѣръ, что какой-нибудь имамъ торопится во время богослуженія, неясно произносить молитвы или просто недостаточно радѣеть о духовныхъ дѣлахъ своихъ прихожанъ, какъ, прозвѣвъ эти слухи, онъ тотчасъ же доносилъ казю. Тотъ вызывалъ къ себѣ провинившагося имама для вразумленія, а то и прямо назначалъ на его мѣсто другого. Каждое утро раисъ являлся обыкновенно

въ ту или другую мечеть, слѣдилъ за богослужѣніемъ и молящимися. Если все обстояло благополучно, то раисъ тутъ же, по окончаніи службы, справлялся у имама—усердно ли молятся его прихожане и аккуратно ли посѣщаютъ мечеть. Бѣда, если случался при этомъ нерадивый прихожанинъ: имамъ указывалъ на него грозному раису, и его отводили къ казю... Если же виновный сидѣлъ въ это время дома, то его разыскивали и все-таки приводили для вразумленія.

Вотъ выискался такой смѣльчакъ, не убоявшійся суроваго раиса. Его приводятъ къ казю, и тотъ начинаетъ увѣщевать его, а виновный каєтся и обѣщаетъ непремѣнно исправиться на будущее время... Хорошо, если онъ одумается и сдержитъ слово, а нѣтъ—снова потянутъ его на судъ и такъ до трехъ разъ. Далѣе раисъ уже прямо получалъ приказъ наказать палочными ударами дерзкаго ослушника... Впрочемъ, смотря по желанію, казій могъ и сразу примѣнять такое наказаніе, безъ всякаго предварительного вразумленія.

Но не за одними только дѣлами вѣры слѣдили вездѣсущие раисы. Они вмѣшивались въ жизнь каждой отдельной семьи, давали родителямъ наставленія, какъ имъ воспитывать своихъ дѣтей, наблюдали, правильно ли посѣшаютъ ученики школы. Неутомимые ханскіе слуги проникали повсюду, рыскали

по школамъ, выслѣживая и увѣщевая нерадивыхъ учениковъ.

Наблюденіе за торговлей также лежало на нихъ. На базарѣ, передъ исхуганнымъ торговцемъ, то и дѣло точно изъ земли вырасталъ грозный раисъ съ толстою палкой въ рукахъ, осматривалъ мѣры и вѣсы, слѣдилъ за самымъ товаромъ. И бѣда, если кто-либо попадался хоть въ малѣйшемъ грѣхѣ! Виновный тутъ же, на мѣстѣ преступленія, подвергался сурому наказанію... Стоило, напримѣръ, замѣтить раису, что вѣсъ продаваемыхъ лепешекъ меньше установленного, какъ онѣ тутъ же отирались у провинившагося торговца, разламывались на куски и раздавались бѣднымъ...

Но едва заходило солнце и ночь опускалась на землю, оканчивалась и служба раисовъ. На смынущимъ выходили новые ханскіе слуги—*курбashi*, слѣдившіе за порядкомъ въ ночное время. Ночью курбashi считался главнымъ начальникомъ и имѣлъ себѣ въ подмогу большое число полицейскихъ, смотря по величинѣ города. Такъ, напримѣръ, въ городѣ Ташкентѣ, до прихода туда русскихъ, въ распоряженіи курбashi состояло 400 полицейскихъ; на каждую сотню выбирался сотникъ, который и разсыпалъ подвластную ему сотню по разнымъ улицамъ своего околотка.

Можете представить себѣ, какъ тяжела была

въ то время жизнь сартовъ! Рыяній курбashi строго исполнялъ свою службу. Еще солнышко только близилось къ закату, а уже онъ отдавалъ приказъ бить въ большой барабанъ. Этимъ остававшіеся еще на улицахъ жители оповѣщались, что они должны убираться въсвойси и запирать ворота. Съ первымъ же боемъ барабана торговля приканчивалась, и лавки запирались.

Но вотъ, наконецъ, замолкли грозные звуки барабана... Тихо стало въ воздухѣ, но самъ курбashi не дремлетъ... Онъ лично или его сотники съ полицейскими обходятъ дозоромъ свои участки и хватаютъ направо и налево всѣхъ, кто только попадется имъ навстрѣчу.

Вы подумаете, быть можетъ, что такой строгій надзоръ и днемъ и ночью за поведеніемъ жителей уничтожалъ въ корнѣ всякой порокъ и преступленіе? Ничуть не бывало! Дѣйствительно, на улицахъ было меньше криковъ, драки и другихъ безобразій; дурные люди старались укрыться подальше отъ строгихъ взоровъ ханскихъ слугъ, но уничтожить порокъ и преступленіе имъ, конечно, не удавалось. Однако, все же приходится сказать, что все дурное въ то время больше скрывалось, чѣмъ послѣ завоеванія края русскими. Наше правительство тотчасъ же, разумѣется, уничтожило эти жестокія должности ханскихъ слугъ; исчезъ и грозный

барабанъ, наводившій трепетъ на жителей. Сарты вздохнули свободнѣе, но зато и стѣсняться стали меньше: люднѣе стало по вечерамъ на улицахъ, но не такъ уже спокойно спится теперь мирному горожанину...

Намъ уже хорошо известно теперь житье-бытье сартовъ; скажемъ еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ нравахъ и обычаяхъ этого трудолюбиваго и честнаго народа.

Когда къ сарту прѣѣзжаетъ гость, его привѣтствуютъ на мужской половинѣ, и, поздоровавшись съ нимъ, хозяинъ начинаетъ заботливо справляться о всѣхъ его родныхъ. Отвѣчая на разспросы, гость также не остается въ долгу и въ свою очередь освѣдомляется у хозяина о здоровье всѣхъ домочадцевъ. Едва окончились взаимныя привѣтствія, передъ гостемъ, прямо на полу, разстилается широкое цвѣтное полотенце, изъ бумаги и полушелковой матеріи, и на него ставятъ и подносы съ разными излюбленными сладостями сартовъ: изюмомъ, фисташками, леденцами, халвой и прочими лакомствами; тутъ же лепешки и нѣсколько блудечекъ съ мелко наколотымъ сахаромъ. Когда все, подано, кто-либо изъ присутствующихъ беретъ нѣсколько лепешекъ, разламываетъ ихъ и кладетъ

опять по-прежнему, верхнею стороной наверхъ, иначе считается грѣхомъ... Точно такъ же сартъ никогда не откусить отъ цѣльной лепешки—это считается неприличнымъ, а онъ всегда сначала разломить ее на куски.

Приступая къ угощенію, гость прежде всего долженъ, по обычаю, отвѣдать лепешки, а ужъ потомъ только можетъ приняться за чай, слади и проч. Раньше гостя никто изъ хозяевъ до єды не дотрогивается, и, приступая къ ней, каждый сартъ непремѣнно шопотомъ произносить установленную молитву: „Во имя Бога милостиваго и милосердаго!“

Не скучится богатый хозяинъ на угощеніе. Въ большіе праздники или по случаю семейнаго торжества богачи задаютъ иногда пиры, которые обходятся во много сотенъ рублей и дѣлятся по три дня. Собираются порою нѣсколько сотъ человѣкъ, устраиваются возможныя зрелища и увеселенія, при чёмъ охотники сарты до конскихъ скачекъ съ призами *). Заслышавъ о томъ, что готовится такой пиръ, и знакомые и незнакомые шлютъ къ хозяину своихъ скакуновъ, въ надеждѣ заполучить богатый призъ...

Однако, женщины, по закону Магомета, не участвуютъ въ этомъ празднике мужчинъ, а угощеніе

*) Призомъ называется награда за какое-нибудь искусство.
Сарты.

устраивается имъ особо, на ихъ половинѣ. Да и вообще, положеніе женщинъ и до сихъ поръ остается у сартовъ такимъ же подчиненнымъ, какъ и встарь; тѣмъ же самымъ, впрочемъ, грѣшать и другія магометанскія народности. Когда въ комнату входитъ мужъ, отецъ или другой какой родственникъ постарше ея, то женщина почтительно встаетъ предъ нимъ... Только изрѣдка выищется какая-нибудь, что называется, „бой-баба“ и пойдетъ наперекоръ обычаямъ и правиламъ своей вѣры. Лѣтъ 40 тому назадъ, напримѣръ, въ одномъ селеніи умерла женщина, которая пользовалась большимъ почетомъ своихъ земляковъ. Мужъ ея былъ надсмотрщикомъ надъ арыками, т.-е. следилъ за правильнымъ распределеніемъ воды по каналамъ. Халь-бибѣ, такъ звали эту замѣчательную женщину, помогала ему во всѣхъ дѣлахъ службы. Но вдругъ стряслась бѣда: она овдовѣла. Халь-биби не потерялась; не долго думая, она забросила свой женскій нарядъ, нарядилась въ мужской халатъ, кушакъ и чалму, и заняла должность покойнаго мужа... Ей было въ то время уже подъ сорокъ лѣтъ, и до самой смерти служила она надсмотрщикомъ за арычною водой. И земляки ея не только не противились этому, а, напротивъ, относились къ ней съ большими уваженіемъ и почетомъ. Эта умная женщина сумѣла даже проторить своему сыну дорожку

въ ханскій дворецъ, и впослѣдствіи онъ былъ назначенъ губернаторомъ города Намангана...

Кромѣ огромнаго трудолюбія, у сартовъ есть еще много и другихъ прекрасныхъ качествъ: они, по большей части, народъ трезвый, почтительны къ старшимъ и чрезвычайно честны,—недаромъ встарину за воровство отсѣкали правую руку. Природа надѣлила сарта живымъ умомъ и смѣливостью, и при близкомъ теперь сосѣствѣ съ русскими можно надѣяться, что въ будущемъ онъ далеко уйдетъ впередъ. До покоренія Туркестана туземцы не имѣли понятія ни о желѣзной дорогѣ, ни о телеграфѣ, почѣ или другихъ удобствахъ, безъ которыхъ жизнь кажется теперь немыслимою всякому мало-мальски образованному человѣку. Въ настоящее же время наше правительство усердно заботится о просвѣщеніи этого народа: кромѣ русско-туземныхъ школъ, о которыхъ мы уже говорили, оно устраиваетъ всевозможныя выставки, где сарты знакомятся съ русскою промышленностью и ремеслами. Въ городѣ Ташкентѣ издается теперь газета на туземномъ языке, въ которой, кромѣ распоряженій нашихъ властей, даются еще различные полезныя свѣдѣнія. Мало-по-малу сѣть желѣзнодорожныхъ рельсовъ покрываетъ Туркестанъ, и нынѣ, отправляясь въ дальний путь, сартъ уже не трясетъся въ своей жалкой арбѣ по безконечной степи,

а садится въ поѣздъ и славить Аллаха за новые удобства жизни... Устроены больницы и лѣчебницы, при чёмъ женщины и дѣти лѣчать наши женщины-врачи, и сартянка не остается уже безъ врачебной помощи; а, вѣдь, она скорѣе умреть, чѣмъ рѣшится обратиться къ врачу-мужчинѣ...

Въ первое время послѣ завоеванія края, туземцы ходили унылые и испуганные, страшась новыхъ пришельцевъ... Они боялись за свою вѣру и обычай, и не было конца нелѣпымъ слухамъ, которые распускали темные и злонамѣренные люди. Но, приглядѣвшись поближе къ своимъ новымъ завоевателямъ, сарты мало-по-малу успокоились и оцѣнили тѣ выгоды, которыя сулила имъ жизнь бокъ-о-бокъ съ болѣе образованнымъ и сильнымъ народомъ. Раньше страну одолѣвали смуты: разные среднеазиатскіе ханы безъ конца воевали между собою, и сарты переходили отъ одного властелина къ другому. Не было мира въ странѣ и никто не могъ быть спокойенъ за завтрашній день... Но съ приходомъ русскихъ все измѣнилось: взаимная вражда кончилась, и всякий можетъ безпечно предаваться своимъ трудамъ и заботамъ. Сарты увидѣли, что никто не посягнулъ на ихъ вѣру и обычай, оставленъ имъ и народный судъ, съ которымъ такъ прочно сроднился народъ.

Теперь уже мягіе туземцы ведутъ дружбу съ

русскими, бываютъ въ гостяхъ другъ у друга; имѣнитые люди стали даже устраивать нѣкоторыя комнаты въ своихъ домахъ на русскій ладъ: обзаводятся зеркалами, столами и стульями, появляются ложки, ножи и вилки. Много простого народа живеть въ услуженіи у русскихъ: разсыльными, поварами, сторожами и т. д. Торговля процвѣтаетъ въ странѣ: одного хлопка вывозится къ намъ на фабрики на миллионы рублей; устроено въ Ташкентѣ и заводъ для очистки этого обширнаго предмета сартовскаго хозяйства.

Много еще дѣла русскимъ въ Туркестанѣ, многому еще и туземцамъ осталось поучиться у насъ. Но будемъ надѣяться, что въ будущемъ, при добромъ стараніи съ обѣихъ сторонъ, сарты, оставаясь въ своей вѣрѣ и обычаяхъ, сольются съ нами въ одну общую, дружную семью...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА I. Общій видъ Туркестана.—Поля и ихъ орошеніе	3
“ II. Вѣрованія сартовъ.—Праздники и посты.—Суевѣрія	18
“ III. Жилище, одежда и пища	32
“ IV. Сватовство.—Свадьба.—Похороны и поминки	58
“ V. Чѣмъ занимаются сарты?	78
“ VI. Воспитаніе и обученіе.—Народный судъ.—Жизнь при ханахъ.—Нравы и обычай	94